ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
904
53

ОБЪ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХЪ СУФФИКСАХЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ СО СТОРОНЫ ИХЪ ЗНАЧЕНІЯ.

(Къ исторіи поэтическаго стиля).

Такъ называемые уменьшительные суффиксы, въ тѣхъ значеніяхъ, въ какихъ они выступаютъ въ русскомъ языкѣ, не составляютъ достоянія всѣхъ языковъ. Между этими суффиксами усматривается сходство лишь болѣе или менѣе близкое, во всякомъ случаѣ—неполное, а весьма часто не замѣчается никакого соотвѣтствія. Такъ какъ учеными захватывался сравнительно небольшой кругъ явленій и упускался изъ виду разнообразный характеръ примѣненія уменьшительныхъ суффиксовъ въ различныхъ языкахъ, то и опредѣленіе дѣлалось учеными односторонне. По Гримму, напримѣръ, выходитъ: „Deminution besteht darin, dass dem Begriff an seiner vollen Kraft etwas benommen wird“, что оправдывается по отношенію къ русскому языку (и многимъ другимъ) лишь отчасти; въ большинствѣ случаевъ съ уменьшительными суффиксами соединяется нѣчто совершенно иное, даже противоположное. Опредѣленіе Гримма далеко не обнимаетъ случаевъ одного даже нѣмецкаго языка, имѣющаго всего лишь уменьшительныхъ *chen* и *lein*, которыми не всегда выражается нѣчто, о чемъ вмѣстѣ съ Гриммомъ можно было бы сказать: „es soll gleichsam nur ein Stück davon (о понятіи) ausgesagt sein“. Pott также съуживаетъ понятіе объ уменьшительныхъ суффиксахъ, приписывая имъ свойство только уменьшать представленіе о предметѣ или качествѣ [1]). Такъ-же рѣшаетъ вопросъ и Brugmann [2]). Иначе, но тоже односторонне, опредѣляетъ

[1]) Etymolog. Forschungen, 2 изд. 1859. I Theil, стр. 185 pass.

[2]) Grundriss d. Vergleich. Gr. II B. Erste Hälfte, стр. 426 и 435.

значеніе уменьшительныхъ суффиксовъ, напримѣръ, авторъ грамматики испанскаго языка, Victorio Horovitz въ своемъ „Praktischer Lehrgang zur Erler. d. Span. Spr. 1882, стр. 8—9“ [1]): „Sie präzisieren schärfer die Begriffe u. drücken der Sprache einen graziöseren Stempel auf“; но примѣры, имъ же приведенные, не подтверждаютъ вѣрности опредѣленія; senor—senorito (молодой баринъ) и chica (дѣвочка)—chiquilla (миленькая дѣвочка), pobre (бѣднякъ)—pobrecito (симпатичный бѣднякъ), plaza (мѣсто)—plazuelo (= Plätschen), guerra (война) guerilla (неправильная, мелкая война) не могутъ никоимъ образомъ быть подводимы подъ одну категорію. Въ частности и русская грамматика (Буслаевъ, Истор. грам., § 63 и сл.; § 220) ограничиваетъ уменьшительные суффиксы способностью ихъ выражать уменьшеніе, уничиженіе, ласку. Установленіе такой категоріи не оправдывается даже по отношенію къ языкамъ, которые, какъ, напримѣръ, латинскій, имѣетъ весьма мало суффиксовъ уменьшительныхъ, тѣмъ менѣе по отношенію, напримѣръ, къ румынскому языку, имѣющему ихъ множество, или къ финско-угрскимъ языкамъ.

Привожу на выдержку рядъ выраженій, изъ которыхъ очевидно, что функція уменьшительныхъ суффиксовъ разнообразится весьма значительно, и часто такъ, что нѣтъ возможности установить связь представленій при переходѣ отъ одного значенія къ другому. „Чи ту, мамо, сватать, що *дрібненько* ходить?“ спрашиваетъ сынъ у своей матери; „Сватай, синку, й людей питай, чи *ділечко* робіть“. „Робіть вона діло, да все *хорошенько*“ [2]). Здѣсь три предложенія подрядъ, и въ каждомъ—вполнѣ своеобразное употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ: если въ „дрібненько“ слышится оттѣнокъ ласкательности, то въ „ділечко“ нѣтъ и тѣни послѣдняго, такъ какъ слово это обозначаетъ „серьезное отношеніе къ дѣлу“, „настоящее дѣло“, а въ „хорошенько“ ясно слышится „усиленіе“ качества, и всего ближе оно къ формѣ превосходной степени именъ прилагательныхъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Вложите душу въ бѣлую грудь,
Въ рѣзвы ноженьки—*хоженьицe* (или ходаньице),
Въ бѣлы рученьки—*маханьице*,
Въ язычокъ—*говоренъицо*,
Во сердечушко—*здыханъицо* [3])....

---

[1]) Ср. O zdrobnělych slovech v české řeči, Josef Jicha, 1897, 5.

[2]) Труды этногр. экспед. юго-западн. отд., собр. Чубинскимъ, т. IV, стр. 53.

[3]) Причитанія сѣвернаго края. *Барсова*, 69. 71.

уменьшительный суффиксъ выражаетъ тотъ оттѣнокъ субъективности, который ложится надъ общимъ значеніемъ и котораго нѣтъ въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ приведеннаго выше отрывка.

Совершенно другое слышится опять въ отрывкѣ:

Какъ не дай да того, Господи,
Безъ сердечныхъ жить родителей,
Въ раннемъ то *сиротаньицѣ*,
Въ горечерькомъ *покликаньицѣ*... [1]).

Сплошное состраданіе даетъ тонъ всему, и ничего общаго съ предидущими не замѣчается. Опять другое обнаруживается въ:

Да пустите... *дѣтинутку* скоморошинку...
Приходитъ дѣтинушка скоморошина...
Поднесите дѣтинки.... [2]).

Уменьшительный суффиксъ *ушка* приложенъ къ слову съ увеличительнымъ суффиксомъ на *ина*, и получается выраженіе чего то внушительнаго, могучаго, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ „дѣтинушка“ служитъ замѣной богатыря (ср. „*могутушку* въ могучи его *плечушки*“) [3]). Суффиксъ *ушка* измѣняетъ слово и въ другомъ направленіи, напримѣръ:

„Казнили безъ счету *народушку* да черняди...“ [4])

гдѣ уменьшительный суффиксъ выражаетъ увеличенное количество людей. Совершенно иную категорію представляетъ суффиксъ въ случаяхъ, когда, напримѣръ, въ пѣсни (о грѣшной душѣ) [5]) говорится:

Не нашла пристанища,
Не *ложечки* воды, не *капельки*..

и опять иную, напримѣръ, въ бѣлорусской:

„Будзець, хлопцы, *лихинько* вамъ“ [6]).

Аналогичное малороссійское „Ой ліхо мині з вами“ (Шевченко), и обычное „ой лышенько“ показываетъ, что „лихенько“ выражаетъ большое, усиленное горе, и т. д.

---

[1]) *Рыбниковъ*, IV, 126.
[2]) *Гильфердингъ*, Онежск. был., I-ое изд.. 641.
[3]) *Барсовъ*, Прич. сѣв. края, 29.
[4]) *Гильфердингъ*, Он. был., I изд., 25.
[5]) *Варенцовъ*, 143—144.
[6]) *Носовичъ*, 90.

Въ предлагаемой статьѣ имѣю въ виду намѣтить развитіе значенія такъ называемыхъ уменьшительныхъ суффиксовъ, какимъ представляется оно на основаніи изслѣдованія о различномъ ихъ употребленіи въ русскомъ языкѣ. Со стороны формы уменьшительные суффиксы въ славянскихъ языкахъ изслѣдованы въ превосходной работѣ г. Alexandr'a Belič'a „Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv— und Amplificativsuffixe“ [1]); по отношенію къ формамъ уменьшителньыхъ суффиксовъ въ румынскомъ языкѣ большая превосходная работа Sextil Puşcariu „Die rumänischen Diminutivsuffixe“ [2]); объ остальныхъ, болѣе мелкихъ, указывается особо.

I.

Чѣмъ въ большую древность восходимъ, тѣмъ такъ называемые уменьшительные суффиксы имѣютъ болѣе опредѣленное значеніе выраженія *малости* вещи,—объективно понимаемой. Позже суффиксы эти пріобрѣтаютъ значеніе и переносное и характеръ субъективнаго отношенія къ предметамъ, вещамъ, лицамъ, при различныхъ оттѣнкахъ. Въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ уменьшительные суффиксы встрѣчаются вообще рѣдко, и стбитъ очень большого труда отыскивать ихъ. Сравнительно съ тѣмъ, что обнаруживается въ литературѣ болѣе поздняго времени и въ языкѣ народномъ (всѣхъ нарѣчій русскихъ), произведенія письменныя даютъ весьма немного фактовъ, хотя несомнѣнно, что уменьшительные суффиксы были въ ходу очень рано, что употребленіе ихъ растетъ, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Приводимый списокъ словъ, который увеличить можно лишь въ небольшой мѣрѣ, заставляетъ прійти къ заключенію, что уменьшительные суффиксы употреблялись при предметахъ вещественныхъ и при лицахъ—почти единственно: *листъкъ*, при листъ, въ значеніи epistola—листькь сьписань (Mikl. Lex. pal. sl. 338) [3]); *котльць*—аще разбьіетъ-ѧ.... котльць (Буслаевъ, Истор. хр., 388); *копийце* (Востоковъ, сл. ц. яз.); *колибица* при колиба (Mikl. lex., 297); *кожица* при кожа (ib., 295); *книжица* (ib., 293); *ръчка* (Буслаевъ, Хр. 1060); *ръчька*

[1]) Archiv f. slav. Phil. Jagič'a 1901. XXIII Band, 134—206 pp.

[2]) Achter Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache. Prof. Gustav Weigand, 1902. 86—232.

[3]) Въ народной поэзіи встрѣчается съ такимъ же значеніемъ „письмечка“:

„Ой якъ шле да шле части листоньки“ (Тр. Этногр. Эксп., IV, 7).

(Mikl. lex., 812) при рѣка; *городокъ* при городъ: „Нѣціи сказоваху Россовъ ѿ городка Роси“ (Буслаевъ, Хр. 1162); *градьць* при градъ (Mikl. lex., 141); *клобоучькъ*, *клобоучьць* (ib., 290) *камычьць* (ib., 282); *калачиковъ* (Буслаевъ, Хр. 1042) [1]); *маленко*—ночи не почивалъ, маленко къ свѣту поутишился (ib., 1045) [2]); *келийца* при келіа (Mikl. lex., 285) *стлъпьць* при стлъпъ (ib., 885); *ржчька* при ржка въ значеніи и parva manus и части посуды: роучкоу припаивалъ (Mikl. lex., 817); *голѫбъчикъ* (Ученыя записки V, 26, Mikl. 135); *гребеньць* при гребень (lex., 142); *гривънька* при гривьна (ib., 143); *грѣшьць* при грѣхъ (ib., 148); *дііачецъ* при дііакъ (ib., 162); *дъштица*, *дъсчица*, *дъшчица*, *дъщица* (ib., 184) при дъска; *дъвка* при дѣва (ib., 186); *звъздица*, *ἀστερίσκος*, asteriscus при звѣзда (lex., 221); *змийка*, *змеицъ* при змий (ib., 230); *златикъ* при злато (ib., 226) крайне исключительная форма уменьшенія, встрѣчающаяся лишь въ латинскомъ языкѣ (см. ниже); *зрънъце* при *зрѣно* (ib., 232); *имънийце* при имѣние (ib., 256); *каменьць* и камычьць (ib., 281 и 282); *кольчько* при кольце (ib., 299), при чемъ *колъчко* въ древней рукописи употребляется наравнѣ съ *кольцо* безразлично: „не въ которое врема то колѣчко Соломонова жена а китоврасова царица и′ опозна его что то колѣчко ее обручаное и речѣ е′ скажи кто ти да сие колцо“ (Буслаевъ, Хр. 719, 36—40); *фляшка* (Буслаевъ, Хр. 1177); *рожекъ* табачный (Буслаевъ, Хр. 1214, 16—24); *рожькъ*, *рожекъ* при рогъ (Mikl. lex., 803) и нѣкоторые другіе въ такомъ же родѣ. Подборъ словъ, разумѣется, не преднамѣренный, и наблюденія надъ ними показываютъ почти исключительное употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ при именахъ вещественныхъ; въ рядѣ приведенныхъ только *грѣшьць*—отвлеченное.

Сказанное о славянскомъ языкѣ примѣнимо ко всѣмъ древнимъ языкамъ, насколько они извѣстны по памятникамъ: такъ въ арабскомъ, еврейскомъ [3]), сирійскомъ языкахъ (ср. Barth, Die Nominalbildung in d. semitischen Sprachen; Gesenius-Kautzsch, Hebräische gram. § 86; Nöldeke, Kurzgefasste syrische Gram. §§ 131—134, 122, 112; указаніямъ частнымъ я обязанъ профессору Гельсингфорскаго университета К. Тальквисту, ассиріологу). Въ греческомъ и латинскомъ язы-

---

[1]) Говоритъ женщина подъ вліяніемъ чувства ласки.

[2]) Также рѣчь женщины въ моментъ печали.

[3]) Въ библейскомъ языкѣ не находится именъ ласкательныхъ собственныхъ; но въ „Мишнѣ“ встрѣчаются отдѣльные случаи.

кахъ уменьшительные суффиксы выражаютъ ближайшимъ образомъ все малое, незначительное—о предметахъ, и все юное—о существахъ живыхъ (малость усиливается при помощи прилагательныхъ parvus, brevis, tenuis, minutus): *oppidulum*, городокъ; *pisciculus*, рыбка; *regulus* царекъ. *servulus*, юный рабъ; *surculus*, молодая вѣточка и т. п. хотя и греческій и латинскій съ давнихъ поръ знаютъ употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ въ значеніи ласкательномъ, такъ уже въ I ст. послѣ Р. Хр. (Chrysostomus въ Oratio VII Venator § 67—70) и въ классическія времена знаютъ выраженія въ родѣ σελήνιον, (отъ σιλήνη, мѣсяцъ), λινάριον (отъ λινον, сѣть), παιδάριον (отъ παῖς), οἰνάριον (отъ οἶνος, вино) и т. п. Тоже замѣчается въ языкахъ и не арійскаго и не семитическаго племенъ; такъ въ монгольскомъ языкѣ (по любезнымъ указаніямъ доктора Рамстедта, монголиста) уменьшительный суффиксъ *chan* прилагается къ именамъ вещественнымъ, хотя въ народной рѣчи значеніе этого суффикса измѣняется, напримѣръ, въ примѣненіи къ именамъ прилагательнымъ.

Необходимо установить различіе между актомъ непосредственнаго народнаго творчества, создающаго слово съ уменьшительнымъ суффиксомъ, и актомъ мысли, преднамѣренно строющей рѣчь, сознательно придумывающей формы для выраженія наблюденнаго явленія. Различіе бываетъ при этомъ и количественное, т. е. по отношенію къ быстротѣ полученія результата, и качественное, т. е. по отношенію къ степени усилія мысли. Слѣдуетъ признать, что въ языкѣ народа встрѣчается болѣе неожиданнаго, непредвидимаго, составляющаго неисчерпаемый источникъ красотъ, гдѣ бьетъ ключемъ источникъ самобытности, тогда какъ языкъ отдѣльныхъ лицъ, писателей, идетъ по колеѣ, устанавливаемой законами грамматики, и лишь у писателя съ огромною силою таланта, притомъ выросшаго на народной почвѣ, замѣчается свободное проявленіе созиданія формъ выраженія. Нельзя вслѣдъ за Буслаевымъ утверждать, что „новѣйшая книжная рѣчь удалялась отъ такихъ словъ, по своей наивности не соотвѣтствующихъ строгому логическому теченію мысли (рѣчь идетъ у него о томъ, что народный языкъ придаетъ дружественный оттѣнокъ посредствомъ ласкательнаго окончанія, даже названіямъ животныхъ и предметовъ бездушныхъ и т. д.); и *только писатели, желающіе сблизить языкъ книжный съ разговорнымъ, позволяютъ себѣ употреблять эти имена*“ (Истор. Грам. русс. яз. § 220). Языкъ и логика другъ друга не покрываютъ, а тѣ только писатели и содѣйствуютъ развитію языка, которые „позволяютъ себѣ“ употреблять слова изъ народной рѣчи—

въ этомъ ихъ важнѣйшая заслуга. Гете говоритъ: Nicht die Sprache an und für sich ist richtig, tüchtig, zierlich, sondern der Geist ist es der sich darin verkörpert. Ниже будетъ рѣчь о томъ, какъ пользуются уменьшительнымъ суффиксомъ наши художники слова.

II.

Понятіе о малости предметовъ-вещей перенесено было съ новымъ значеніемъ на человѣка и особенно успѣло развиться вмѣстѣ съ развитіемъ сословныхъ, классовыхъ различій, рѣзко выдѣлившихъ понятіе о высшемъ и низшемъ. Въ письменности слѣды суффиксовъ уничижительныхъ обнаруживаются очень рано; подъ 1138 г. названы въ числѣ новгородцевъ, бѣжавшихъ къ Всеволоду Мстиславичу въ Псковъ *Тимошка* Якшичъ [1]), подъ 1270 приведено названіе *Иванко* [2]); въ Псковской Лѣтописи: „Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами *людишками* своими“ [3]), и кстати замѣтить, въ противоположность къ словамъ съ суффиксами увеличительными; такъ относительно рязанцевъ лѣтопись выражается: „полоумные людища“ [4]); „*Михалка* съ Москвы поѣха“, „*Михалку* доспѣвающю“, „*Михалко* же побѣди полкъ— все это въ концѣ XII и самомъ началѣ XIII ст. [5]) Съ этихъ поръ уменьшительные суффиксы являются чаще и идутъ crescendo вплоть до XVIII в.: *Пашко* бортникъ, *Юрко* Машничъ, *Голко* Залѣскій (грамота 1351) [6]), *Васько* Кузьмичь, *Яшко* писарь, *Осташко*, *Глѣбко*, *Костко* (купчая, 1366) [7]); „А при томъ были и свѣдци: Панъ *Ходько* Быбельскій... *Костько* судья и много было добрыхъ при томъ (Судная гр. 1393) [8]). Нужды нѣтъ, что въ послѣднихъ примѣрахъ отсутствуетъ прямое указаніе на уничиженіе,—оттѣнокъ его все же замѣчается. „А грамоту писалъ *Сенка*, дьякъ троецкой (1447—56) [9]); „А билъ мя Михаила Скобельцинъ большой со своими людьми съ *Куземькою* да съ *Ивашкомъ*... Дмитрокъ, Ѳедькѣ, Онанка и др. (Ду-

[1]) *Ак. Шахматовъ*, Общерусс. лѣтоп. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1900, № 11, отд. 2, 182.

[2]) Ib.

[3]) *Буслаевъ*, Истор. Гр. II, 201, § 220.

[4]) *Шахматовъ*, l. c., 154.

[5]) *Шахматовъ*, l. c., 173.

[6]) Сборникъ древ.-русс. памятниковъ, *А. Смирновъ*, стр. 60.

[7]) Ib., 64.

[8]) Ib., 72.

[9]) Ib., 90.

ховная 1482) [1]); „А купчюю грамоту писалъ язъ *Васюкъ* Малаѳѣевъ (1559) [2]); „а кабалу писалъ *Семенецъ* Никоновъ (1529) [3]); запись писалъ... *Ѳонка* Андреевъ (Акты Юрид. I, 406) и т. д., и чѣмъ ближе къ XVIII ст. тѣмъ чаще и больше встрѣчаются случаи употребленія, переходящаго во всеобщій обычай, причемъ весьма часто уничижительное имя сопровождается эпитетомъ усиливающимъ (какъ бы epith. ornans) „холопъ твой... холопъ твой *Иванецъ* (*Ванецъ*) Шереметевъ, *Богданко* Сабуровъ, *Данилецъ* и *Данилко* Сабуровъ (1564) [4]); „приведенъ онъ, *Богдашка* съ краденымъ медомъ“ (1677) [5]). Равнымъ образомъ и имена женскія: „*Матренку Ивашькову* жену... съ *Марькою*... съ Овдотьицею... [6]). При Петрѣ Великомъ въ письмахъ къ нему сплошь и рядомъ: „падая лицомъ до земли, челомъ бью, должный твой работникъ *Юшка* Ѳамендинъ“ [7]); “*Івашко* Инеховъ челомъ бьетъ“; „*Адамко* Вейде долж(н)о челомъ бьетъ“ [8]); „По семъ писавы съ усердіемъ... желавый *Ѳонка* Протасовъ; *Якушка* Борзой, *Тимошка* Чернецовъ, *Панкрашка* Глѣбовскій, *Сенка* Макарьевъ и т. д. [9]); „Твой рабъ *Ивашко* Оловениковъ“ (ib. 500); „Холопъ вашъ *Андрюшка*“ (ib. 501); „рабъ твой *Ѳедка* Апраксинъ“ [10]); „Богомольцы твои *Ганка* (Головкинъ) да *Ермолайко* челомъ бьетъ“ [11]); „Порадуй меня бѣднаго *Левка* (Л. Нарышкинъ) патъ (sic) предъ ногами“ [12]); „О томъ покорнѣйше и рабской челомъ бьетъ „*Андрюше* Бутенантъ Ѳонъ-Розенбушъ“ [13]), и т. д.

Уничиженіе выражается и въ уменьшительныхъ словахъ, обозначающихъ названіе народностей. Украинецъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы „выгнать *ляшківъ—панківъ* геть за Вислу“. По словамъ одной пѣсни отрубленная голова одного изъ Гайдамаковъ, на укоры:

Было бъ тебѣ ляшківъ-панківъ не бить

---

[1]) Ib., 99.
[2]) Ib., 110.
[3]) Ib., 113.
[4]) *Потебня*, Изъ зап. III, 584 и слѣд. въ большомъ количествѣ примѣровъ.
[5]) Ib., 245.
[6]) Ib., 584—585.
[7]) Письма и бумаги Петра В. I, 494, № 24.
[8]) Ib., № 26, стр. 495.
[9]) Ib., 497.
[10]) Ib., № 33, стр. 505.
[11]) Ib., № 37, стр. 508; № 42, стр. 513.
[12]) Ib., № 40, стр. 511.
[13]) Ib., № 42, стр. 513.

отвѣчаетъ:

А я того, вражі ляхи, та и не забуду,
Якъ я била ляшківъ-панківъ, такъ и бити буду [1]).

или:

А што здесь о рубежахъ они сиаминали
Будто *Ляшенки* украину въ областяхъ держали [2]),

или:

Вражи сыны *жыдыченькы* тоді израдилы
Якъ ктытора Данныла на пали узрилы [3]).

Такимъ же образомъ и донынѣ въ большомъ ходу *полячокъ*, *полячишка*, *жидокъ*, *нѣмчикъ*, *французикъ* („*французикъ* изъ Бордо“ „Горе отъ Ума“) *французишка* и т. п. Во многихъ случаяхъ уничижительными изображаются и предметы, свойства, связанныя съ дѣйствующимъ лицомъ уничиженнымъ. Послѣ того, какъ чумаки

Підняли бусурмана
На три списи (пики) въ гору,

послышалась злая насмѣшка надъ окрававленнымъ трупомъ:

Дивись, дивись, бусурмане,
На нашу свободу!
Ой що наша свободонька
Якъ макъ процвітае,
Бусурманьска жъ *головонька*
Кровью окипае,

гдѣ очевидно головонька не представляетъ формы, употребляемой, какъ увидимъ, безсознательно — шаблонно, а въ противоположность къ дорогой „свободонькѣ“ [4]).

Съ категоріею именъ уменьшительныхъ, выражающихъ уничиженіе лицъ, стоитъ въ связи категорія названій, характеризующихъ человѣка съ отрицательной стороны. Присоединеніемъ къ нему уменьшительнаго суффикса придается оттѣнокъ презрѣнія: *пьянчужка*, *воришка*, и т. п. (соотвѣтствуютъ по значенію литовскій суффиксъ *ùtis*, по выраженію Куршата „halb Demunitiv, halb Verächtlichkeitsbe-

---

[1]) „Малороссія въ ея словесности“, *Вѣстникъ Европы*, 1870, Іюнь.
[2]) *П. Житецкій* „Мысли о Малор. думахъ“ стр. 111.
[3]) Со сборника 1767 г. въ *Кіев. Стар.* 1886, Янв. ср. Житецкій, l. c., 131.
[4]) *Рудченко*, „Чумаки“ и т. д. *Вѣстн. Евр.* 1872, Сентябрь, 673.

zeichnung: *paik-ùtis*, von geringem Verstande, *letùtis*, der Blödherzige [1]). Кстати отмѣтить существованіе въ литовскомъ суффиксовъ со значеніемъ презрѣнія—*elis: netikelis* Unband, Ungerathener; *susi-ve-elis*, Struwelpeter, и—*uklis*: *girt-uklis*, пьянчужка) [2]).

Въ душѣ запорожца просыпается мысль о покояніи:

„Дебъ то достать попа хоть ледащычку,
Абы не пьянычку....
Бо я самъ того не люблю“ [3]).

Далѣе—естественная связь представленій между указанными категоріями и тѣми, въ которыхъ выражается преднамѣренное желаніе представить предметъ-вещь въ видѣ малоцѣннаго, негоднаго, мелкаго и т. п. „По ся мѣсто я, холопъ твой, тѣмъ помѣстейцомъ невладѣлъ и сестришка мои, государь, и людишка разбрелись... Здѣсь на Москвѣ живучи безъ помѣстьишка, лошадишки и служивую рухлядь проѣлъ... вели меня отпустить въ деревнишко чтобы сыскати сестришекъ своихъ и людишекъ и на... службу собраться запасишкомъ и со всякою служивою рухлядишкомъ“ (1614) [4]), очевидно, фактическое отношеніе говорящаго къ упоминаемымъ предметамъ иное, чѣмъ какое обнаруживается въ стремленіи изобразить ихъ.

Памва Берында говоритъ въ своей виршѣ (1616 г.) Епископу Львовскому Іеремію Писаровскому

„Пріими о архіерею великій, значный,
За коледу и щодрый день *книжечку* тую“ [5]).

гдѣ чувствуется и сознается переходъ мысли отъ малаго къ ничтожному въ противоположность къ „великому, значному“. Вотъ еще образчикъ:

Даруй мені едыную *рубашечку*, або *убраннячко*,
На гришнее мое тило *прикрыванячко* [6]),

т. е. хоть ничтожное, негодное, лишь бы что нибудь; и это ясно слышится во всемъ тонѣ просьбы („просьбуваннье“)

---

[1]) *Fr. Kurschat*, Gram. d. littauisch. Sprache, стр. 105, § 349.
[2]) Ib.
[3]) *Житецкій*, l. c., 116.
[4]) *А. М. Г.* 130.
[5]) *Житецкій*, Мысли о народныхъ думахъ, 79.
[6]) Ib., 161.

Сынъ единый
Исусъ Хрыстосъ правдывый....
Прошу тебѣ, отець—маты,
Нызькымъ уклономъ
Покирнымъ словомъ...

и слѣдуетъ приведенное выше мѣсто.

„А симъ моимъ *писанейцемъ* за оное твое... писаніе со благодареніемъ кланяюсь [1])“.

Съ оттѣнкомъ пренебреженія (и примѣсью злобы въ данномъ случаѣ) уменьшительный суффиксъ выступаетъ въ случаяхъ, напримѣръ, подобныхъ:

Бодай тебе мій *миленькій* попід серце стисло,
Бодай тебе мій *миленькій* кривило, морило [2])...

Послѣдній примѣръ, впрочемъ, стоитъ на границѣ той категоріи, которая выражаетъ характеръ ироніи—доброй и злой. Подборъ образцовъ въ слѣдующемъ.

III.

Чувство ироніи примыкаетъ ближайшимъ образомъ къ чувству, вызываемому предметомъ, который возбуждаетъ къ себѣ пренебреженіе, нелюбовь, злобу и т. д. Этимъ объясняется явленіе, что уменьшительные суффиксы именно способны выражать иронію. Пѣсня, напримѣръ изображаетъ уничтоженіе панщины:

Ой летіла дика качка, сіла въ очереті,
Утікала *панщинонька* въ темны пущи, нетри....
Охъ да отрастутъ у меня, у ясна сокола
Да сизыя крылышки,

Тогда...
Отсмѣю эту *насмѣшечку* [3]).
Я за то тебя, удалого, пожалую....
Я повѣшу тебѣ *петельку* шелковую [4]).

Плѣнная мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

Люлю, люлю *татарчатко*
По доненьци *унучатко*,

[1]) Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, 627.
[2]) *Головацкій*, II, 448,
[3]) *Соболевскій*. Великорусскія народныя пѣсни I, 576.
[4]) Ib., 41.

и въ злобѣ желаетъ:

Бодай стадо выздыхало,
Бодай дитя скаменило...

Ярко выступаетъ иронія, напримѣръ, въ слѣдующей исторической пѣснѣ, изображающей смерть Нечая:

Добравъ го ся Калиновскій зъ верха за чупрыну.
„А де-жъ, твои, *Нычаенку*, вороныи кони?
„А де-жь, твои, *Нычаенку*, кованыи возы?

Злорадство — во всемъ тонѣ. Уменьшительное имя и придаетъ окраску чувству. Пѣснь говоритъ уже отъ себя, что *Нычаева* головонька точыться по рынку, и кончается она сочувственнымъ обращеніемъ къ матери:

Но ты маты, не журыся.
Взявъ винъ соби дружыночку
Высокую могилочку [1]).

Интересенъ образчикъ, въ которомъ замѣчается нѣчто среднее между злою и добродушною ироніею (иногда ироніею безнадежности, если можно такъ выразиться); прежде всего изъ извѣстной пѣсни:

Ай и горе, *гореванъицe*
А и въ горѣ жить—некручинну быть...
Въ *отопочкахъ* горе въ *лозовенькихъ*
Въ *оборочкахъ* горе въ *мочальненькихъ*....
Да еще молодецъ не кручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую *напѣвочку*...

гдѣ „напѣвочкою“ обозначается пѣсенка несчастнаго молодца, исполненная горькой надъ самимъ собою насмѣшки.

Затѣмъ цѣлый рядъ пословицъ, поговорокъ, напримѣръ: „Дядюшка у племянничка укралъ долото, а племянничекъ у дядюшки пару жеребчиковъ за то [2])“, „рюмочки доведутъ до сумочки [3])“; „ножки плутаютъ, душку питаютъ [4])“, „не тѣ денежки, что у бабушки, а тѣ денежки, что въ пазушкѣ [5])“ и т. д. или: „Вербикъ завербилъ“

---

[1]) *Евецкій*, Малор. истор. пѣсни и думы, 73.
[2]) *Сахаровъ*, „Языкъ крестьянъ“ и т. д. l. c., стр. 14.
[3]) Ib., 37.
[4]) Ib., 27.
[5]) Ib.

(холодъ на вербной недѣли) [1]); „Хоть *худенькія* (штаны), да съ *пуговками* [2])". Нѣсколько иного рода иронія въ былинѣ, напримѣръ, когда она разсказываетъ о безобразіяхъ Василія Буслаевича:

„Сталъ по улицкамъ похаживать
Съ робятами *шуточки* пошучивать [3]).

Чара въ полтора ведра называется *чарочкой*. Иронически называются палачи *палачиками* [4]), а одна пѣсня также иронически относится къ другимъ должностямъ:

„Тутъ живетъ да поживаетъ *ключничекъ*
Молодыя-то княгини *полюбовничекъ*" [5])

Такой же характеръ иронiи сказывается, напримѣръ, въ тѣхъ же пѣсняхъ о кн. Волконскомъ:

...Жилъ Волконскій князь,
Не одинъ то онъ жилъ, *княжичекъ*,—со своею княгиней [6]).

Въ другомъ родѣ слышится иронія, когда былина говоритъ:

Знаю я всѣ примѣты по женскому
Она по двору идетъ будто *уточка* плыветъ,
А по горенькѣ идетъ *частенько* ступаетъ,
А на лавицу садится *колпица* жметъ,
А и *ручки бѣленьки*, *пальчики тоненьки* [7]).

Бѣлорусская народная поэзія пользуется для выраженія иронiи, также уменьшительнымъ суффиксомъ по такому, напримѣръ, образцу: роженица захотѣла вина, и проситъ позвать мужа, а онъ, въ ожиданіи сына, спрашиваетъ, кого родила:

Коли сына, я меда добуду,
Коли *дочушка*, я и такъ обойдуся,
Коли сына, я и городъ поставлю.
Коли дочушка, съ *кожушками* отпраўлю [8]).

Сынъ, желанный, не въ уменьшительной (ласкательной) формѣ, а

[1]) Ib., стр. 11.
[2]) Ib., 44.
[3]) *Гильфердингъ*, Онежскія былины 1 изд. 722.
[4]) Ib., 728.
[5]) *Соболевскій*, Вдр. П. I, 55.
[6]) *Соболевскій*, l. c. 77, во всѣхъ варіантахъ,—ихъ очень много—слышится иронія.
[7]) *Кирша*, Др. ст., 88 стр.
[8]) *Шейнъ*, Матер. для изуч. быта и т. д. Т. I, ч. 1, стр. 22.

въ ласкательную форму облекаются дочу́шка, кожушками,—иронически.

Этими данными ограничиваюсь; ихъ въ изобиліи можно найти и въ народныхъ произведеніяхъ, и въ новой нашей литературѣ даже прозаической, напримѣръ, по слѣдующему образцу:

„Онъ такой *скромненькій*, *тихонькій*, объясняется все уменьшительными. Все у него миньонное, *идейка* капельная, подробности самыя крошечныя, сложокъ такой *чистенькій*, *наблюденьице* такое *маленькое*, чувства и *страстицы*, такія *нѣжненькія*....“ Въ такихъ выраженіяхъ осмѣивается авторъ „Бѣдныхъ людей“ [1]).

Въ другихъ языкахъ можно найти полную аналогію этому явленію; уменьшительные суффиксы употребляются писателями для выраженія нѣкотораго пренебреженія, ироніи; такъ въ румынскомъ языкѣ *doctoras*—докторишка, лѣкаришка, *poetas*—поэтишка, причемъ слѣдуетъ замѣтить явленіе, обратное нашему: не знаетъ этихъ выраженій народный румынскій языкъ [2]). Въ соотвѣтствіи съ нашими уменьшительными суфиксами, выражающими иронію, стоятъ и уменьшительные суффиксы въ латинскомъ языкѣ, но опять своеобразно—въ такихъ словахъ, которыя не поддаются соединенію съ уменьшеніемъ въ русскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ переводятся описательно [3]): „huic incridibile *ratiunculas* suggerit—ganz artige Gründe, какъ бы: нечего сказать, основанія! или хороши основанія! *judiciolum*, das schwache Urtheil; *lacrimula*, крокодиловы слезы Cicer. Att. 14, 20: Quintus filius ut scribis, Antonii est *dextella*, so ein Stückchen von rechter Hand, помощничекъ подумаешь! *Graeculi* homines (Cic. de or. 1, 11, 47) [4]). Въ иныхъ случаяхъ иронія переходитъ въ пренебреженіе, такъ у Горація (Ep. 1, 7, 65): tunicatus *popellus*. И Горацій и Цицеронъ знаютъ *plebecula*, *librarioli* (писаки); *legiuncula* (несчастненькій легіонъ) *homunculus*, *muliercula*; *sarcinulae* (das Bisschen Vermögen); *mercedula* (несчастное жалованьице) и т. д. [5]). Есть въ латинскомъ языкѣ умень-

[1]) Библіотека для чтенія, 1846, февраль, библіограф. замѣтка, не въ пользу Достоевскаго, въ подражаніе стиля послѣдняго. Срав. соч. Достоевскаго, I т. стр. 65, изд. 1883 г.

[2]) Sextil Puşcariu, Achter Jahresber. d. Justit. für Rumän. Sprache, 91.

[3]) Nägelsbach, Stilistik, 130.

[4]) *Kessler*, Die lateinischen Diminutiva, Einladung-Programm zu Hildburghausen, 1869, 2.

[5]) Ib., стр. 2. Подчасъ встрѣчается накопленіе уменьшительныхъ, съ цѣлью придать всему отрывку характеръ иронія, порицанія, при чемъ чувствуется и потреб-

шительныя и съ характеромъ ругани, въ родѣ нашего „пьянчужка“, „воришка“, „трусишка“, напримѣръ *furunculus, latrunculus, cinaedulus*.

И латышскій языкъ пользуется уменьшительнымъ суффиксомъ, какъ для обозначенія малости, такъ для выраженія ласки, любви съ одной, и презрѣнія, уничиженія съ другой стороны, смотря по смыслу слова въ рѣчи, при чемъ есть уменьшительныя отъ именъ, какихъ не знаетъ языкъ русскій, напримѣръ отъ assin-s, кровь, assin-t-in-sch. [1]). Въ народной поэзіи, притомъ въ пѣсняхъ женскихъ—чаще всего.

Иронія, выраженная въ формѣ уменьшительныхъ, не чужда и языку нѣмецкому, хотя всегда въ соединеніи съ прилагательнымъ, составляющимъ собственно иронію: Ein schönes Wörtchen, хотя народный языкъ знаетъ иронію, выраженную и однимъ только уменьшительнымъ словомъ: „Lieber zum Schmied, als Zum *Schmiedle*“ [2]) (охотнѣе имѣютъ дѣло съ высшимъ, чѣмъ съ низшимъ — напоминаетъ чешское: lepši pan než *panek* [3]), или въ такомъ отрывкѣ, добродушно-насмѣшливомъ:

Gang mer net über mei Aeckerle,
Gang mer net über mei Wies.
Oder i hau di Wägerle,
Oder i hau di gwiss [4]).

Сопоставленія имѣли цѣлью указать на особенности русскихъ уменьшительныхъ, которыя выражаютъ гораздо разнообразнѣе другихъ языковъ всѣ оттѣнки отъ малости въ объективномъ ея значеніи до различныхъ проявленій субъективности отношенія къ предметамъ.

ность со стороны автора созвучія отрывка: преступленіе изображается какъ-бы пустякомъ (срав. Nägelsbach, Stilistik, 131): Arinem istum testum atque hospitem, Triari, tuum proficiscentum Romam negotium dedisse liberto, ut illi aniculae non ille quidem vim afferet, neque enim erat rectum patronae, sed collum digitulis duobos oblideret, resticula cingeret, ut illa perisse suspendio putaretur. Превосходную иллюстрацію представляетъ 25 стихотвореніе Катулла къ сластолюбцу Thallus: Cinaede Thalle, mollior cuniculi capillo, vel anseris medullula, vel imula oricilla—ne laneum latusculum natisque mollicellas inusta turpiter tibi flagella conscribillent; еще образецъ у Плавта, Cas. 4, 4, 14—18: meum corculum, mellicullum, verculum!—corpusculum melliculum!—mea uxorcula!—Edepol papillam belluiam!—Obsecro, ut valentula est!—Bella bellatula!

[1]) Подробности у Bielenstein, Lit. Gram. I, 307, § 238.

[2]) *A. Waag*, Bedeutungsentwickelung unseres Wortschatzes, стр. 163.

[3]) *Jicha*, o Zdrobel. v česk. и д. д., 11.

[4]) *Waag*, l. c. 117.

IV.

Значеніе уменьшительныхъ суффиксовъ, какъ видно уже изъ сказаннаго, далеко вышло за предѣлы, которыми оно ограничивалось первоначально. Если, какъ мы видѣли, обозначеніе понятія о *малости* ближайшимъ образомъ перенесено было на обозначеніе субъективнаго отношенія къ предмету, преднамѣреннаго умаленія, уничиженія, презрѣнія, ироніи всякаго рода, то въ другую сторону субъективное отношеніе стало принимать характеръ чувства ласки. Понятія *малый*, *милый*, *юный* совпадаютъ; во всякомъ случаѣ трудно установить границу между ними. Сперва:

Я маленька *дивочка*
Якъ у поли квиточка [1])...

понимается буквально; затѣмъ *братикъ*, *сестричка* стали обозначать субъективное къ нимъ отношеніе, милый, милая. — *Иванушка* — маленькій Иванъ; онъ малъ, юнъ; а такъ какъ онъ малъ и юнъ, то и милъ; психологически вполнѣ объяснима связь представленія о малости съ чувствомъ пріятнаго отъ него, и отсюда съ ласкою къ малому и ко всему, что съ нимъ связано. Далѣе, понятіе обобщается, и уменьшительныя слова понимаются въ смыслѣ „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“. Здѣсь источникъ преобладанія словъ съ уменьшительными суффиксами въ колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсняхъ. Въ большинствѣ случаевъ присутствіе уменьшительнаго суффикса чувствуется и сознается, хотя слова при помощи ихъ создаются не всегда преднамѣренно:

„А я коточекъ
Заховався въ куточекъ,
Поймавъ собі мишку
Да зъівъ у затишку“ [2]).

По такому или подобному образцу уменьшительные суффиксы примѣняются или преднамѣренно, или безсознательно, по аналогіи, и къ понятіямъ, не поддающимся собственно уменьшенію, напримѣръ:

Соньки-дримки въ колисоньку,
Росточки у кісточку,

[1]) *Чубинскій*, III, 435.

[2]) *Максимовичъ*, Сборн. Укр. пѣс., ч. I, 105; срав. Труды этног.-стат. экспед. въ Зап. Русс. край, т. IV, стр. 26.

Въ роточекъ *говорушки*,
А въ ноженьки *ходусеньки* и т. д. [1]).

Здѣсь никакого представленія о малости не вносится. Чувства ласки переносится при помощи уменьшительнаго суффикса и на предметы, случайно упоминаемые при обнаруживаніи чувства къ главному предмету рѣчи. Когда мать кличетъ своего сына

Иди, сыну до-*домочку*
Змию тобі *головочку* [2]),

то „до домочку" не могло быть вызвано никакою мыслью собственно объ отношеніи къ дому, ни, тѣмъ менѣе, какимъ либо чувствомъ къ дому; явилось уменьшительное это въ предчувствіи появленія ласкательнаго „головочку". Другой примѣръ:

Стали думать и гадать
Чимъ дітокъ годувать,
Чи кашею зъ *молочкомъ*,
Чи бубликомъ зъ *медкомъ*,
Чи солодкимъ *яблучкомъ*... [3])

Представленія о малости нѣтъ и въ этихъ случаяхъ; нѣтъ также представленія о части цѣлаго, выражаемой иногда въ рѣчи словами: „дайте *молочка*, *водицы*", напримѣръ:

У похмѣльнаго добраго молодца буйна голова болитъ
А вы, милы братцы....
Вы купите *винца*, опохмѣльте молодца [4]).

Объ этомъ, впрочемъ, ниже, а здѣсь необходимо сказать, что весьма часто, въ случаяхъ, когда уменьшительные суффиксы кажутся лишнимъ привѣскомъ, не имѣющимъ никакого значенія, наличность чувства ласки, любви, привязанности, близости, сочувствія съ его оттѣнками: опасенія, радости, горя, состраданія и т. п. несомнѣнна.

---

[1]) Труды и пр. 26.

[2]) *Рудченко*, Чумаки въ народ. пѣс.

[3]) Труды и пр. 19.

[4]) *Кирша*, 212. Въ примѣненіи къ отвлеченнымъ именамъ существительнымъ уменьшительные суффиксы выражаютъ: въ нѣкоторой степени то, что обозначается словомъ: *animula* (tuae literae quae mihi quiddam quasi animulae restillarunt, Cic. Att, 9, 7. См. Kessler, Die lat. demun. 1 *gloriola*, *specula*, *otiolum*; въ примѣненіи къ существительнымъ вещественнымъ: часть нѣкоторое количество, *carruncula*, кусокъ мяса, *jusculum* немного каши, *villum*, немного вина, винца или также нѣчто дробное *arenula* (тонкій песокъ) *furfuriculae* (тонкія отруби).

Необходимо только въ нѣкоторыхъ случаяхъ провѣрить, переживается ли событіе, сообщаемое пѣснею, или оно передается традиціонно, безъ участія чувства со стороны разкащика, пѣвца. Привожу нѣсколько примѣровъ, когда, повидимому, труднѣе опредѣлить сознательность при передачѣ и присутствіе чувства, выражаемаго уменьшительными суффиксами:

Ѣхавъ козакъ съ украины...
Легъ на цѣлую годзину.
Щасливая годзиночка!
Пришла къ нему дзѣвченочка [1])...

Пріѣздъ казака выраженъ объективно; самое событіе, появленіе дѣвушки, освѣщено извѣстнымъ чувствомъ, и „годзина“ превратилось въ „годзинушку“, когда она оказась счастливою.

Ой далеко чуты козака.... що иде съ кобзыною,
На кобзоньци грае, ще краще спивае [2])...

представляетъ подобный моментъ: появленіе казака представлено объективно; устанавливается фактъ; самая игра вызываетъ чувство довольства, и „кобзына“ превратилась въ „кобзоньцу“. Еще примѣръ: въ одномъ причитаніи рѣчь идетъ о томъ, что душа по смерти продолжаетъ жить въ устроенномъ для нея „домовищѣ“; ввиду желанія добра́ близкому человѣку, причитывающая проситъ „плотничковъ“, чтобы они сдѣлали „косявчаты окошечки“, стекольныя; клали бы „*печеньку*“; уменьшительные формы ясно говорятъ здѣсь о чувствѣ просящаго (срав. чешское: ten tichý domecek“ — могила [3]) и „домовищечко“ въ

Приказалъ онъ сдѣлать *домовищечко*,
Чтобы можно лежа лежать и т. д.) [4])

Когда мать въ вышеприведенномъ отрывкѣ кличетъ сыну „змию тобі *головочку*“, то уменьшительный суффиксъ не случайно употребленъ, что ясно изъ отвѣта, который держится въ тонѣ строгомъ, въ которомъ слышится голосъ самосознающаго себя мужа:

Измии мати сама собі,

---

[1]) Записки Русс. Геогр. общ. т. V, Носовичъ Бѣлор. пѣсни, стр. 117.
[2]) *Головацкій*, 272.
[3]) Ohlasi pisni ceskych, 5 изд. 30, Jos. Jicha, 11.
[4]) *Гильфердингъ*, Он. был. 194.

...ЛЬНАЯ ...МЕНТАЛЬНАЯ

Або моій рідній сестрі,
Мене змиютъ дрібні дощи и т. д. [1]).

Переходъ изъ тона субъективнаго, окрашеннаго чувствомъ ласки, слышится, напримѣръ, въ пѣснѣ, рисующей выѣздъ чумака

Ой у неділоньку ране по-раненько
Сонечко зіходить,
Ой уже симъ, симъ Гаврисенко
У дорогу выходить....

но дальше, по ходу пѣсни, проявленіе чувства не умѣстно болѣе; наступаетъ пора отправленія въ дорогу, и атаманъ обращается со словами, въ которыхъ уменьшительности нѣтъ слѣда:

Ой ви хлопці, ви добри молодці
Та вставайте вози мажте...
Хлопці встали, вози підмазали и т. д.
Пішовъ чумакъ у дорогу.... и т. д.

Еще одинъ послѣдній примѣръ изъ множества однородныхъ; его можно поставить на границѣ между указанными и слѣдующими, въ немъ заключаются и признаки первыхъ и признаки слѣдующихъ. Былина говоритъ:

Подъѣхалъ онъ (Илья) ко городу, ко Чернигову:
Приходятъ *мужики* къ ниму, черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ,
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
„Ай-же *мужики* черниговцы!
Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою,
А скажите-ка мнѣ *дорогу* прямоѣзжую,
Прямоѣзжую *дорогу* въ стольно-Кіевъ градъ“.

Вслѣдъ затѣмъ идетъ отвѣтъ; въ немъ мы видимъ вмѣсто „мужики“ уменьшительное „мужички“, со значеніемъ вполнѣ равносильнымъ „мужикамъ“, а въ дальнѣйшемъ—всѣ тѣ существительныя, которыя при вопросѣ стояли безъ уменьшительнаго суффикса, принимаютъ его въ отвѣтѣ:

Говорили ему *мужички* черниговцы:
„Ай-же удаленькій, дородный, молодецъ молодецъ,
Прямоѣзжую *дорожкою* въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
Окольною *дорожкою* цѣла тысяча.

[1]) *Рудченко*, l. c.

Прямоѣзжая *дороженька* заколодила
Заколодила *дорожка*, замуравила" [1]).

Труднѣе бываетъ опредѣлить наличность субъективной окраски въ случаяхъ, когда по ходу мысли предположить ея нельзя. Мѣриломъ можетъ въ такихъ случаяхъ быть повторяемость уменьшительнаго слова; если уменьшительное слово является попеременно и безразлично, то можно съ увѣренностью сказать, что оно попало случайно, по привычкѣ, безсознательно, и не обнаруживаетъ присутствія чувства.

Цекла *рѣченька*.
рѣчка быстрая....
А по тэй рѣцѣ
Плувець вуточка.... [2])

Здѣсь рѣка, рѣчка (съ забытымъ значеніемъ уменьшительнаго суффикса) и *рѣченька* употреблены безразлично; о какомъ либо чувствѣ не можетъ быть и рѣчи, если принять въ соображеніе все содержаніе пѣсни. Интересно, что въ другой мѣстности (Витебской губерни,—а приведенная изъ Могилевской губерніи) та же пѣсня съ тѣмъ же содержаніемъ знаетъ только *рыка*, *рыка* быстрая... по той *рацъ* [3]).

Текла быстрая *рѣчка Смородинка*
Было на этой рѣкѣ на Смородинкѣ
Три три *мосточка* калиновы.... и т. д. [4])

и затѣмъ черезъ всю пѣсню и всѣ варіанты идетъ попеременно чрезъ „Смородина" и „Смородинка", „рѣка" и „рѣчка", „рѣченька" [5]) „рѣчушка" [6]) „мостъ", „мостикъ".

Бралъ себѣ *ключничекъ* плеть шелковую
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ... [7])
Тутъ ходила, гуляла душа красная дѣвица
И копала она коренья, зелье лютое,
Она мыла тѣ *кореньица* въ синемъ морѣ,

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 54.
[2]) *Шейнъ*, Матеріалы для изуч. быта и языка рус. нас. т. I, ч. I, стр. 23.
[3]) Ib., 23—24.
[4]) *Соболевскій*, Влр. нар. п. 359—360.
[5]) Ib., 362.
[6]) Ib., 364.
[7]) Ib., 52—53.

А сушила *кореньица* въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ *кореньица* меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ
И хотѣла извѣсти своего недруга [1])...

или:

Выкатилося *знамечко*....
А знамя за знаменемъ идетъ.... [2])

все поперемѣнно, то съ уменьшительнымъ суффиксомъ, то безъ него, безразлично,—и это безразличіе обнаруживается во всемъ тонѣ разсказа.

Сидитъ соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ...,
Воскричитъ онъ злодѣй по звѣриному,
Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ....

а въ заключеніе былины:

Темны лѣсушки къ землѣ приклонилися
А что есть людей, то всѣ мертвы лежатъ..." [3])

Тоже напримѣръ: „холодна вода" [4]) и „холодна *водиченка*" [5]); „черные „соболи" и „черные *„соболечки*" [6]) и т. д. и такихъ фактовъ безконечно много. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяетъ размѣръ.

Въ одной литовской пѣсни поется о томъ, что „удались, уродились" на горѣ—орѣхи, на полѣ—трилистникъ, рожь, пшеница, ячмень и прочіе посѣвы, и каждый разъ повторяется то же слово въ уменьшительной, и въ неуменьшительной формѣ и снова въ уменьшительной по такому образцу:

Ужмітіко уждерéje
Кальне *рiешутéлej*
Кальне *рiешутај*
Кальне *рiешутелej*
(Удались, уродились
На горѣ орѣшки,

---

[1]) *Кирша* стр. 209.
[2]) Ib., 223.
[3]) *Рыбниковъ*, I, 54.
[4]) *Романовъ*, Бр. Сб. I, 150.
[5]) *Чубинскій* V. 480
[6]) *Шейнъ*, l. c. 19.

На горѣ орѣхи,
На горѣ орѣшки) [1].... и такъ каждый куплетъ;

или:

Унденелїе бе́га, бе́га бе коjелїу [2])
(водица бѣжитъ, бѣжитъ безъ ногъ).

Если одинъ и тотъ же мотивъ называетъ одно и тоже слово поочередно уменьшительнымъ, и безъ уменьшительнаго, то, кажется, безошибочно можно сказать, что въ основаніи нѣтъ опредѣленнаго отношенія къ изображаемому;—но смотря и по ходу изложенія, и по содержанію, дѣло мѣняется, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ участіе разсказывающаго обнаруживается ясно и безъ всякихъ уменьшительныхъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда эпическимъ языкомъ уменьшительныя формы словъ какъ *рученьки, ноженьки, головушку* и пр. вытѣснены, напр. въ стихѣ объ Аникѣ воинѣ:

Рѣзвыя ноги подвихнулись,
Бѣлыя руки опустились.
Ясныя очи помутились,
Буйная голова съ плечъ повалилась [3]),

хотя необходимо замѣтить, что вообще духовные стихи очень рѣдко пользуются уменьшительными суффиксами—о чемъ ниже.

Такимъ образомъ представляется возможнымъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ уменьшительный суффиксъ служитъ выраженіемъ чувства ласки, расположенія и т. п. Во-первыхъ, когда сознается связь между однимъ и другимъ по содержанію; во-вторыхъ, когда говорящій переживаетъ событіе, выражаемое сочувствіемъ къ предмету разсказа:

Радя *дѣточекъ*, радя *дробненькихъ*
Состаруся, молода [4])—

не вызываетъ, поэтому, сомнѣнія въ содержаніи, выражаемомъ уменьшительнымъ суффиксомъ, тогда какъ въ

Ѣздитъ Дюкъ...
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ *уточекъ* [5])...

---

[1]) *Юшкевичъ*, Лит. нар. пѣсни, 14.
[2]) Ib., 13.
[3]) *Варенцовъ*, Сбор. русс. дух. стих., 113.
[4]) *Шейнъ*, l. c., 21.
[5]) *Кирша Дан.*, 17.

уменьшительный суффиксъ не обусловливается ни однимъ изъ моментовъ ни предшествующаго, ни послѣдующаго, а потому представляетъ форму безъ содержанія, какъ и цѣлый рядъ выраженій, перешедшихъ въ чистую форму: „поѣздочка богатырская“, „сошка кленовенькая“, „столичекъ дубовенькій“ „сѣдѣлышко черкасское“ „потничекъ на потничкѣ“ и т. п. безъ счета.

Не можетъ быть сомнѣнія, слѣдовательно, что, напримѣръ, въ категоріяхъ произведеній народной поэзіи, въ которыхъ обнаруживается чувство матери къ дѣтямъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ, въ которыхъ лиризмъ очевиденъ, уменьшительные суффиксы служатъ выраженіемъ чувствъ,—причемъ и параллелизмъ сознается вполнѣ:

А нема цвиту найповнишого надъ тую *макивочку*,
Да нема жъ роду найвирнѣйшаго надъ тую *матиночку* [1]).

Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемся съ подобными формами.

„Братійку родненькій“,

говоритъ сестра, умоляя его посѣтить ее:

Черезъ луги темные, высокіе, яснымъ *соколенькомъ* перелини,
Черезъ рѣки быстрыя, глубокія бѣлымъ *лебеденькомъ* переплыви,
Черезъ степи широкія малымъ-невелыкимъ *перепеленькомъ* перебѣжи... [2]).

Въ приведенномъ примѣрѣ обнаруживается, что характеръ дѣйствій лица, пробудившаго чувство, вызываетъ то-же чувство, что и самое лицо; это отличительная черта и народной поэзіи и вообще народной рѣчи русской, но всего болѣе малорусской поэзіи, въ которой уменьшительныя слова употребляются сознательнѣе, гармоничнѣе, цѣлесообразнѣе и поэтичнѣе, особенно, гдѣ силенъ лиризмъ. Среди малороссійскихъ „думъ“ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, одну, въ которой матери сообщается, что сынъ ея погибъ; пѣвецъ говоритъ объ этомъ въ образѣ сближенія смерти съ бракомъ, а могилы—съ женой, въ образѣ, весьма обычномъ въ народной поэзіи; но „дума“ говоритъ такъ:

Понявъ соби *панянку*
У чистому поли могылу—землянку,
На могылы травы *зелененьки*,
И цвиты *биленьки* [3])....

---

[1]) *Лисенко*, Збірникъ, II, 33.
[2]) *Чубинскій*, Труды, V, 928—29.
[3]) *Метлинскій*, Нар. Юж. р. пѣсни, 424.

Сравнивая это мѣсто съ варіантомъ великорусской поэзіи, легко убѣдиться въ особенности, обозначенной выше; въ великорусскомъ нѣтъ рѣчи ни о травѣ, ни о цвѣтахъ, и лиризмъ не сказывается вовсе, какъ въ версіи малороссійской. Вотъ еще: сообщается матери, что сынъ

„ . . . . . женывся
Та понявъ собі *паняночку*
Въ чистимъ поли *земляночку*
Що куды витеръ не вие,
А сонечко не грие,
Безъ *виконецъ*, безъ *дверець*.... [1]).

Когда въ пѣснѣ встрѣчается „у *скрипочку* грае“, „въ *сопілочку* грае“ и т. п., то отношеніе къ предмету не всегда опредѣляется: съ уменьшительнымъ суффиксомъ эти слова могутъ употребляться наравнѣ съ окончаніями устойчивыми, съ которыми не соединяется понятія объ уменьшительности (сравни эпитетъ „воску яраго“ при сальной свѣчѣ); но во многихъ случаяхъ представляется возможнымъ опредѣленіе настоящаго его характера, когда факты реальной жизни подтверждаютъ отношеніе къ лицу, предмету. Провѣрить послѣднее можно, если сравнить побольше варіантовъ одной и той же пѣсни изъ различныхъ мѣстностей (одной народности, напримѣръ, малорусской, великорусской, бѣлорусской). Примѣръ объяснитъ мою мысль: народъ окружаетъ чумака особымъ уваженіемъ, онъ о немъ вообще высокаго мнѣнія. Эпитетъ, которымъ въ пѣсняхъ награждаютъ чумака—„славный“. Дѣвушки относятся съ нѣжностью къ „славнимъ *чумаченькамъ*“; „*чумаченьки* молодіі, чорноброві“, при каждомъ случаѣ. Загорѣлое лицо его—„*личко* козаче“; „чумакъ на *личеньку* кращии рожі“ [2]). Безконечное разнообразіе употребленія уменьшительныхъ объясняется легко, если принять въ соображеніе, что между „чумачкомъ“ и дивчиною недомолвокъ не существуетъ, что дівчина не таитъ ни своихъ мыслей, ни желаній, ни чувствъ [3]).

Сватай мене *чумаченьку*,
Рано й у неділлю.
Буду просить у *матінки*...

Когда прилетаетъ *зозуленька сивесенька* — эта вѣщунья бѣды и

[1]) *Чубинскій*, Труды. 942.
[2]) *Рудченко*, Чумакъ въ народной пѣснѣ. *Вѣстникъ Европы* 1872 г. сентябрь 221.
[3]) Ib., 223.

печали,—и начинаетъ кукувать *жалібненько,* тогда сердце сжимается у дівчины отъ предчувствія разлуки, и она стала вздыхать *важенько* (тяжело), мать спрашиваетъ:

Чого стала, моя доню
Важенько вздыхати... [1]).

Еще болѣе реальный фактъ: губительное вліяніе смерти тѣмъ болѣе разрушаетъ внутренній міръ бѣднаго человѣка, чѣмъ ужаснѣе жертва смерти; понятно будетъ функція уменьшительнаго суффикса въ словѣ *смеретушка,* если принять въ соображеніе, что человѣкъ готовъ вступить съ нею въ сдѣлку; онъ величаетъ ее ласковыми именами, предлагаетъ ей взамѣнъ любимаго существа, отнимаемаемаго ею, все, что ей угодно: скотину, коня, золотую казну [2]). Съ другой стороны очевидно, форма „смеретышка“ застыла, такъ сказать, не отвѣчая своему назначенію, когда она уже ушла безвозвратно, унесши свою жертву. Еще примѣръ: заискиваніе ласкательными именами объяснитъ естественность функцій уменьшительнаго суффикса, когда, напримѣръ, старики „царства сорочинскаго“ собираютъ сходку при появленіи богатыря Саула Леванидовича:

Есть у насъ братцы, *полоненочекъ, затюремщичекъ,*
Пошлемъ мы его напротивъ силы.....
Ты гой еси, *затюремщичекъ*!.. [3]).

Но иначе дѣло обстоитъ въ случаяхъ, когда уменьшительные имена принимаютъ характеръ общаго мѣста (loc. com.), подобный слѣдующему:

Подходилъ (добрый молодецъ...).
Ко своему доброму коню ко *бурочкѣ,*
Косматочкѣ, троельточкѣ,
Падалъ ему въ правое *копытечко* [4]).

Повторяясь каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о конѣ, отрывокъ получаетъ характеръ общаго мѣста, какими изобилуетъ народная поэзія, и не чувствуется болѣе никакой близости между конемъ и его владѣльцемъ.

Есть у меня да еще бурушка,

---

[1]) Ib., 225.
[2]) *Барсовъ,* Причит. Сѣв. Края. Стр. XI.
[3]) *Кирѣевскій,* Пѣсни, III, 113—116.
[4]) *Кирша Д.* 38.

Есть у меня да каурушка,
Трехъ годовъ жеребушечка,
Маленькій касматенькій...
Копытечки по рѣшеточку [1])...

могло бы еще выражать субъективное отношеніе къ коню, когда имъ хвастается герой (Ив. Гостинный сынъ); могло бы представить субъективное отношеніе и въ случаяхъ, когда герой кланяется своему коню „во правое копытечко", прося его сослужить службу; но вполнѣ стирается значеніе уменьшительнаго суффикса, когда оказывается, что онъ примѣненъ къ коню „косматому", „старому". Мы ниже увидимъ, до чего доходитъ несоотвѣтствіе между значеніемъ (содержаніемъ) и формою, а пока замѣтимъ, что все зависитъ отъ наличности пониманія разскащикомъ того, что разсказывается; а что весьма часто разсказываемое не понимается—фактъ общеизвѣстный.

Ласка очевидна, когда заходитъ рѣчь обо всемъ, что имѣетъ отношеніе къ любимому лицу:

Гдѣ мой *миленькій* гулялъ,
И *слѣдоченьки* скрывалъ
Онъ *слѣдочики* скрывалъ [2]).

Употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ въ данномъ примѣрѣ показываетъ несомнѣнно и психологическую связь между „миленькимъ" и „слѣдочиками", и повторяется въ однородныхъ случаяхъ — съ постоянствомъ.

То же можно сказать и относительно поэтическихъ параллелей, въ изобиліи встрѣчающихся въ поэзіи, излюбленныхъ особенно малороссійскою поэзіею. Полагаю, не будетъ ошибки, если при этомъ отмѣчу, что предметъ, съ которымъ *изображаемый* предметъ сравнивается, по психологической необходимости требуетъ уменьшительнаго, своего рода психологическаго согласованія по такому, напр., образцу:

Ой що *вишенька*, що *черешенька*
Білимъ цвітомъ цвіла,
Наша *Марусенька* съ бабусею
Хорошенько жила [3]).

или:

Викопаю *криниченьку* въ степу, въ кремині,
Чи не прийде *дівчинонька* по воду къ мині?

[1]) *Кирѣевскій*, III.
[2]) *Соболевскій*, Влр. п. I, 108.
[3]) Труды экспедиціи и пр., IV, 14 стр.

Когда ожиданія возлюбленнаго не исполнилось, пѣсня поетъ:

Та вже съ тіи криниченьки орли воду пьютъ,
Та вже мою дівчиноньку икъ шлюбу (вѣнецъ) ведуть;..

И здѣсь вопросъ сводится къ тому, насколько переживается образъ, насколько вносится въ произведеніе слова (въ цѣломъ, или отрывкѣ) лиризма субъективнаго, насколько оно не превратилось въ формулу, мертвую схему. Послѣднее возможно и вѣроятно въ только что приведенномъ второмъ образцѣ, такъ какъ утеряна связь представленій между испиваніемъ воды изъ колодца и любовью, такое забвеніе замѣчается особенно рѣзко въ бѣлорусской поэзіи, отчасти въ великорусской.

Есть формы уменьшительныя, которыя кажутся вѣчно живыми, не способными окаменѣть. Это уменьшительныя формы глагольныя, которыя извѣстны почти только русскому языку (малорусскому-бѣлорусскому) въ родѣ: *істоньки*, *спатоньки*, *питоньки*, *лежатоньки* и т. п. Считаю ихъ способными выражать всегда наличность ласки потому, что эти уменьшительныя глаголы употребляются *почти единственно* въ народной рѣчи въ примѣненіи къ дѣтямъ, къ милымъ, малымъ. Въ массѣ случаевъ съ такимъ значеніемъ я могъ найти лишь нѣсколько примѣровъ не такого соотвѣтствія:

Велю старцю у *келеньці* жити
Велю старцю *істонькі* носити [1])...

или въ свадебной (когда „дружка“ ведетъ „молодыхъ“ въ комору):

„Не хочу я *істоньки* да *питоньки*,
Бо вже мое тіло *спатоньки* схтіло“ [2]).

Но обыкновенно какъ уже отмѣчено, указанныя формы употребляются, когда идетъ рѣчь о дѣтяхъ и дѣтенышахъ, по образцу;

„Дзѣтыньки плачуць, ѣсциньки хочуць“ [3])

или:

Чаго-жъ ты кошечка, плачешь,
Ци *пицьки*, ци *ъсцьки* хочешь... [4])

Бываютъ случаи употребленія глагола въ уменьшительной формѣ,

[1]) Изъ сборника Метлинскаго, 359—360, запис. въ Гадячѣ, см. *Варенцовъ*, 247.
[2]) Труды экспедиціи и пр., т. IV, 436.
[3]) Зап. геогр. общ., V, 538.
[4]) Ib., 306.

когда съ дѣйствіемъ связано представленіе о чемъ то радостномъ, счастливомъ:

Моі люби вечерниченьки
Вже ж бо по вас *неходитоньки* [1])

По Биленштейну [2]) въ латышскомъ есть форма неопредѣленнаго наклоненія съ уменьшительнымъ суффиксомъ *t—in* или *in*, но встрѣчающаяся въ настоящее время рѣдко, при односложныхъ глаголахъ: *beg—in*, бѣжать, *sauz—in* звать, и нѣкот. др. и въ такомъ случаѣ они соотвѣтствуютъ нашимъ *зватоньки*, *бѣжатоньки*; *i—t—in ходитоньки* и т. п. [3]). Принимая во вниманіе изчезновеніе этихъ формъ въ латышскомъ языкѣ и совершенное ихъ отсутствіе въ другихъ языкахъ, слѣдуетъ уменьшительную форму глагольную считать чисто русскою особенностью, русской народной только рѣчи, такъ какъ литературный языкъ не знаетъ этой формы вовсе. Оттѣнками значенія эта форма бѣдна, и все содержаніе сводится къ нѣкоторой степени ласки, нѣжности, вызываемыхъ большею частью не самымъ дѣйствіемъ, а лицомъ, къ которому дѣйствіе относится. Въ этомъ его отличіе отъ имени, которое заключаетъ въ самомъ себѣ нѣчто вызывающее ласковое, нѣжное и т. п. Только въ чешскомъ еще весьма рѣдко слышатся формы, какъ drîmati—*drîmkati*, hladiti—*hladkati*, dupati—dupkati и т. д. [4])

О послѣднемъ мы уже говорили. Необходимо сказать еще нѣсколько словъ относительно именъ прилагательныхъ. Оригинальны въ русскомъ языкѣ случаи:

Во-первыхъ, когда вмѣстѣ съ предметомъ подвергается уменьшенію и признакъ предмета, когда притомъ подобныя уменьшенія не кажутся странными только потому, что къ нимъ ухо привыкло; само по себѣ это уменьшеніе составляетъ nonsens:

На ножкахъ сапожки *сафьяненькія*...
На головушкѣ шляпоньки *пуховенькія*... [5]).

И такимъ же образомъ: „братіку мій *рідненькій*, голубоньку *си-*

---

[1]) *Головацкій*, II, 628.
[2]) „Die lettische Sprache“, § 461.
[3]) Ib., срав. § 235 и § 461.
[4]) Jicha, o zdrobnélych и пр.
[5]) *Гильфердингъ*, 1330.

венъкии [1]), Марусенька *молоденька* [2]) слізоньки *дрібненьки*, оченьки *каренькии* [3]), чарочка *повненька*, горилочка *солоденька* [4]) и т. д. Въ этихъ формахъ нѣтъ ничего, кромѣ формы, т. е. съ ними не связывается содержаніе, отличное отъ прилагательныхъ безъ уменьшительныхъ суффиксовъ; они рѣзко отличаются отъ другихъ, съ особымъ характеромъ, о которыхъ рѣчь ниже.

Во-вторыхъ, когда вмѣсто предмета подвергается уменьшенію одинъ изъ признаковъ его, большею частію наиболѣе выдающійся, преобладающій (съ точки зрѣнія говорящаго), ставшій эпитетомъ:

Ой бо вже я иду...
Та вже лѣсомъ *зелененькимъ*
Та й зъ турчиномъ *молоденькимъ* [5])
Есть у мене кінь *вороненькій*
Перескочить той хмизъ *зелененькій* [6])

и т. д., гдѣ „вороненькій“, „зелененькій“ не то-же, что напр., „бѣленькій“, „черненькій“ въ смыслѣ „бѣловатый“, „черноватый“, и не тоже, что формы, какъ *красненькій*, *синенькій* и пр. въ соотвѣтствіи съ нѣмецкимъ „etwas weiss“, weisslich, франц.: *blanchâtre*, *verdâtre* и пр. или, напримѣръ:

Tantôs rouyé, tantôs *pallette*
Cen cops tu cambiès de conlou... [7])
(т. е. tantôt rouge tantôt pale,
Cent fois tu changeas de couleur)

или:

Et dé sa gorye *enflayradette*
Qué sort ûe pièle dé perpits, [8])
(т. е. et de sa gorge embaumée sortent une foule d'agaceries).

Порусски переводимо „pallette“—блѣднешенька,—но не перевести „enflayradette“.

---

[1]) *Метлинскій*, 356.
[2]) Ib., 139.
[3]) Ib., 163.
[4]) Ib., 201.
[5]) *Головацкій*, Народ. пѣс. гал. и угр. Россіи, I, 22.
[6]) *Потебня*, Зап, изъ рус. Гр. III, 365.

Жіргужелі!
Іўдберелі!

(Коникъ, черногнѣденькій!) см. Юшкевичъ, Литов. народ. п., стр. 9.

[7]) Chansons et airs populaires du Béarn, par Fr. Rivarès, 1844, 23.
[8]) Ib., 16.

Послѣдняя категорія прилагательныхъ связана съ извѣстнымъ содержаніемъ,—первая—нѣтъ, и образовалась очевидно единственно или по требованію ритма (и риѳмы) или по требованію привычки. Они напоминаютъ тѣ прилагательныя въ латинскомъ языкѣ, которыя снабжены уменьшительными суффиксами, и которыя не всегда переводимы на русскій: *aureola* oratiuncula, *aureolus* libelus, *aureolus* anellus, *argenteola* sicilicula, bellus *pullulus rusticulus* libellus, *sordidulus* servulus [1]); *золотенькій* еще иногда возможно, а „argenteola", „rusticulus" не передаваемы по русски.

По аналогіи съ уменьшительными ласкательными именъ прилагательныхъ, глаголовъ, существительныхъ, образуются и нарѣчія въ родѣ: *ничегошенько*, *каковенько* („каковенько" поживаете) [2]) *такички* [3]) *теперечки* [4]), *столькочко*.

Нашимъ „ничевошенько", „таконько" и пр. соотвѣтствуетъ употребленіе въ нѣмецкомъ просторѣчіи: *Guten Tägchen* (не то что „денекъ"), *Du-chen*, *Was-chen;* нашему „столькочко"—латинское *tantulus*, *quantulus* и др. [5]). Въ соотвѣтствіи съ русскими уменьшительными нарѣчіями встрѣчаются нарѣчія и въ латинскомъ языкѣ: *candidule*, *longule*, *pressule*, и двойнымъ уменьшительнымъ суффиксомъ *bellule* (у Плавта особенно, и у Теренція). Нечего говорить о нарѣчіяхъ, образующихся изъ именъ прилагательныхъ (сред. рода); meliuscule (у Цицерона) saepicule и др. Нарѣчій много и въ румынскомъ языкѣ, въ которомъ уменьшительный суффиксъ выражаетъ часто качество *въ меньшей*

---

[1]) *Kessler*, de dimin. lat, 4. Въ свою очередь употребляются уменьш. суф. при существительныхъ не поддающихся уменьшенію въ русск. яз.: *aetatula* въ выраженіи (Cic. Fin. V, 20, 55): Facile est hoc cernere in primis puerorum aetatulis; Apul. Apol. p. 4 scilicet ut obtentu ejus aetatulae ipse insimulationis falsae non plecteretur и т. п. (см. Aug. Mueller, De demin. 37) praediolum, diversiolum, civitatula, ambulantiuncula (l. c. 48, 49, 50) aureolus (Ib. 62). *Gloriola*—ein Bisschen Ruhm (Cic. Fam. 5, 12; Einladungsprogramm Hildburghausen, 1869), *specula* ein. Bisschen Hoffnung (l. c. 2, 16), *otiolum*, ein Bisschen Musse (l. c. 8, 3, см. Einlad. Hildburg. стр. 1). Еще болѣе замѣчательно употребленіе уменьшительныхъ напр. въ словахъ accentiuncula, (нѣкоторая степень ударенія) auditiuncula (небольшая лекція), commotiuncula (нѣкоторе недомоганіе), contestatiuncula (небольшая рѣчь), interrogatiuncula (вопросительное предложеньице) и т. п. всего чаще у Цицерона (см. Kessler, l. c. 15); изъ подобныхъ словъ весьма немногіе поддаются переводу, такъ sermunculus передается лишь приблизительно русскимъ „бесѣдушка" (собесѣдованіе).

[2]) *Максимъ Горкій*, 1901, т. III. 157, изд. „Знанія".

[3]) Труды и пр. IV, 54.

[4]) Ib., 55.

[5]) Чрезвычайно интересные случаи у Grimm'a Deutsche Gram. 1831, III, 664—704.

степени, т. е. „не совсѣмъ то, что выражено положительною степенью, и соотвѣтствуетъ нашему прилагательному съ суфиксомъ, *вато*, *ато*: какъ *маловато caldut*, менѣе чѣмъ тепло, („тепленько"), а вмѣстѣ и ласку. [1]). Въ литовскомъ уменьшительнымъ на—*ókas* и—*intelis* соотвѣтствуютъ нашимъ—*вато* со значеніемъ нѣмецкаго ziemlich:—*silpnokas* — слабовато (silpnas — слабо), *saldókas*, сладковато (saldus сладко); *piln-intelis* — полненько (ziemlich voll) [2]).

На сравненіе способовъ употребленія уменьшительныхъ суффиксовъ въ указанныхъ значеніяхъ просятся способы употребленія этихъ суффиксовъ въ другихъ языкахъ; всего болѣе они развиты въ румынскомъ языкѣ со значеніемъ ласки, какъ въ существительныхъ именахъ, такъ и въ прилагательныхъ: дѣвушка говоритъ своему милому bădită, ребенокъ своей матери—mămuca,—и суффиксы ită и ică выражаютъ только любовь; въ „si unde-i trase Ruminasul mĭeu tiganului o sfintă de bătaĭe" подъ „Ruminas" никоимъ образомъ нельзя понимать маленькаго румына, а милаго, симпатичнаго разскащику человѣка" [3]). Codreanu представляетъ въ народныхъ пѣсняхъ типъ ужаснаго разбойника, но народъ его любитъ за то что онъ грабитъ помѣщиковъ, угнетающихъ крестьянъ, и тамъ, гдѣ изображается борьба между Кодреану и полицейскимъ, первый представленъ красивымъ, огромнаго роста, а когда пуля поранила его, пѣсня говоритъ:

„pe Codrenas mĭ-l rănca",

гдѣ уменьшительнымъ суффиксомъ выражено сочувствіе къ нему со стороны пѣсни [4]); здѣсь значеніе не такое, какое въ русскихъ пѣсняхъ связывается съ формами: „райзбойничекъ", „разбойнички" и т. п. (о чемъ см. ниже). Довольно распространенное явленіе въ румынскомъ языкѣ уменьшительнаго суффикса при именахъ прилагательныхъ: отъ *mic*, малый mic-ut, mic-sor, mic-utel, mit-itel, которое соотвѣтствуютъ нашему „маленькій", „махонькій", „малюсенькій", значеніемъ ласкательнымъ, нѣмец. „niedlich" [5]).

Народный эпосъ другихъ романскихъ народностей знаетъ подобныя же формы именъ существительныхъ, прилагательныхъ, даже мѣстоиме-

---

[1]) Puşcariu, die rumän. dimin. 96, 97.

[2]) *Schleicher*, Lehrb. d. lit. Sprache I, 132, § 56.

[3]) Achter Jahresbericht d. Instituts für Rumän. Sprache, Prof. Gust. Weigand статья Sextil Puşcariu, стр. 91.

[4]) Ib.

[5]) Ib., стр. 96.

ній (наше одинешенькій). Привожу нѣсколько образцовъ изъ сборника, ставшаго библіографической рѣдкостью, очень цѣннаго, ввиду бѣдности образцовъ въ литературѣ вопроса.

Si aquere *bergerette*
Nou'm abé counsoulat,
Quoan la troubéy *soulette*
Moun sort ère acabat
(Si cette bergère—Ne m'avait consolé,—Quand
Je la trouvai seul,—Mon sort était terminé) [1].
Adiü douncques, *pastourette*
Ingrate, chens nade amou,
Nou heyran plus sus *l'herbette*,
Lou mé troupèt dab lou tou

(дословно: adieu donc, berger, — ingrate, sans nul amour — On ne verra plus sur l'herbette—Mon troupeau avec le tien) [2].

Berouyine, *charmantine*,
Berouyine, lou mé sou
Perqué'n as tu tan de rigou
Douce *amourine*

(Belle, charmante,—Belle, mon soleil!—Pourquoi as-tu tant de rigueur—Douce amie...) [3].

En broustan aquestes flous,
You qué'p léchi *soulettes*.
(Pendant que vous broutez ces fleurs
Je vous laisse seules...)
Nou bos yamey aüdi, *houlette*
Lou lengatyé dé moun amou...
(Ne veux-tu jamais entendre, petite folle
le langage de mon amour) [4],
Tantôs rouyé, tantôs *pallette*
Cen cops tu cambiès de conlou
Et puch, dé ta douce *manette*
Reepoussales l'urous pastou,

(Tantôt rouge, tantôt pale—Cent fois tu changeas de couleur;—Et puis, de ta douce main—Tu repoussais l'hereux pasteur) [5].

---

[1]) *Fr Rivarès*, Chansons et aires populaires du Béarn, 1844, стр. 66.
[2]) Ib., 12.
[3]) Ib., 21.
[4]) Ib., 23.
[5]) Ib.

Ta bouts tendre et *doucette*,
Urous rousiignoulét,
Nou charme plus Annette,
Despuch qui mey n'eü bet

(Ta voix tendre et douce, — Heureux rossignol, — Ne charme plus Annette, Depuis qu'elle ne le voit plus) [1]).

Французскіе писатели въ исключительныхъ случаяхъ пользовались народной рѣчью въ указанномъ смыслѣ. Только Раблэ, заставляя рекомендовать красивыхъ дѣвушекъ, употребляетъ; „filles... *saffretes, blondelettes, doulcettes*...

Изъ языковъ не индо-европейской семьи замѣчательнымъ богатствомъ уменьшительныхъ суффиксовъ въ формальномъ отношеніи отличаются языки зырянскій и вотяцкій [2]). Въ первомъ:

1.—*gol*: *lęz-gol* (lęz—синій) = синенькій = синеватый; *ul'-gol* (ul' сырой) = сыроватенькій, etwas feucht.

2.—*gęm*: *kuz-gem* (kuž—длинный) = длиненькій, длиноватый.

3.—*ik*: *ńebid'-ik* (nebid, мягкій) = мягенькій; šonidik (šonid теплый)—тепленькій.

4.—*ińik* (= in + ik): *joś-ińik* (joś, остріе, острый), остренькій остроумненькій, l'abińik (l'ab, слабый) слабенькій, нѣжненькій; tom-inik (tom. молодой)—молодешенькій.

5.—*indzi*: koknińdzi (kokni, легкій), легонькій, tom-ińdz, молоденькій.

6.—*ińęi̯* (= iń + ęi̯): *ai-ińęi̯* (ai̯, отецъ), батюшка, *mam-ińęi̯*, матушка.

7.—*anęi̯* (= an + ei): съ тѣмъ же значеніемъ.

8.—*ka*: *aika*—(ai—отецъ), свекорекъ.

9.—*ok,—ek,—uk*: *bed-ök* (bed', палка), палочка, *dod'-ok* (dod' сани) саночки—вѣроятно подъ вліяніемъ русск. *охъ*.

10.—*al* (*ęl*) gępol (gęb, яма), ямочка [3]). Иныя изъ нихъ свойственны и вотяцкому языку.

І. Мандельштамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ib., 76.

[2]) Любезному указанію д-ра Вихмана, доцента Гельсингфорскаго университета я обязанъ даннымъ этимъ.

[3]) Gram. d. Syrjanischen Spr, mit Berücksichtigung d. wotjakischen v. F. I. Wideman, Petersb. 1884.

ОБЪ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХЪ СУФФИКСАХЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ СО СТОРОНЫ ИХЪ ЗНАЧЕНІЯ [1]).

V.

Наиболѣе оригинально функціонируютъ уменьшительные суффиксы, выражая:

Во-первыхъ, понятіе объ увеличеніи мѣры малости и связанныхъ съ нимъ представленій; во-вторыхъ, представленіе объ увеличеніи (расширеніи) объема понятія, объ увеличеніи даннаго предмета; въ-третьихъ, представленіе объ усиленіи мѣры качества; въ-четвертыхъ, представленіе о сравнительно большей опредѣленности при отрицаніи наличности чего-либо.

1. Отъ „капля“: *капелька, капелюшечка, капелюнечка.*

Отъ „кроха“: *крошка, крошечка, крошуточка.*

Отъ „голубь“: *голубка, голубонька, голубокъ, голубочекъ, голубочечекъ.*

Отъ „дѣва“: *дѣвушка* (дѣвочка), *дѣвонька, дѣвчоночка* (дивчинонько, дзѣвчинонька), *дѣвонюшка, дѣвушечка, дѣвчурочка* [2]).

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1903 годъ, іюль.

[2]) Срав. въ чешск. языкѣ: отъ děva: divka, divenka, divčička, děvuška. děvulenka;

отъ čara: čarka. čarečka, čarčička, carčinka čarčininka;

отъ chvile: chvilka, chvilička, chvičliěka, chvilenka;

отъ kus: kousek, kousiček, kousinek, kouštiček, kouštinek, kouštičiček, koustininek;

см. Jos. Jicha, „O zdrobnělych slovech včeské řěči“, стр. 6—7. 1897.

Въ соотвѣтствіи съ двойными суффиксами въ языкахъ чеш. и русс. стоятъ суффиксы въ лат. языкѣ. buccela (отъ buccula), catellus—catulus; flosćellus—flosculus;

Crescendo малости, обнаруживающееся въ подобныхъ случаяхъ, выражаетъ и crescendo чувства любви, ласки, дружбы и пр., вызываемаго малостью (см. выше), что всего замѣтнѣе при употребленіи именъ ласкательныхъ собственныхъ разныхъ степеней, въ родѣ: Катя, Катюша, Катюшенька, Катюшеночекъ, или Маня, Машута, Манечка, Машуточка и пр.

2. Развившись въ символъ усиленія степени малости, уменьшительное слово стало выражать вообще усиленіе; отъ субъективнаго стало переходить къ объективному обозначенію увеличенія представленія о чемъ-либо.

Какъ съ-подъ ельничку, да съ-подъ березничку,
Да съ-подъ чистаго молодого съ-подъ олешничку,
Выходилъ *Калинушка немаленькій* [1])...
Въ славномъ городѣ въ Орѣшкѣ
Пролегла́ тутъ широкая *дорожка*,
По той по широкой *дорожкѣ*... [2]).
Какъ не въ полѣ то было въ широкой *долинушкѣ* [3])...
Ви звезете княгиню
Да на тую *гіроньку* крутую [4])...
Выбѣгало тутъ *стадечко* звѣриное,
Что звѣриное змѣиное (Кирѣевскій, II, 2).
Когда народился Петръ Алексѣевичъ...
.... плотники мастера
Во всю *ноченьку* не спали, колыбель люльку дѣлали... [5])

гдѣ „ноченька“ не въ томъ смыслѣ, какъ—въ „ахъ ты ночь ли ноченька“, а въ смыслѣ die ganze liebe Nacht (hindurch). Равнымъ образомъ въ румынскомъ уменьшительные суффиксы способны выразить усиленіе, увеличеніе. Въ одномъ стихотвореніи (Çosbuc'a) говорится, что парень рано утромъ проходитъ мимо окна своей возлюбленной; по звуку удара бичемъ она его узнала, подбѣгаетъ къ воротамъ, чтобы хоть мелькомъ привѣтствовать его,—иначе, какъ ей это извѣстно, „онъ за работою цѣлый день будетъ скучать“; порумынски это выра-

loccellus—loculus; и т. д. См. Gust. Mueller, „De linguae latinae deminut.“ 1865, стр. 5. Въ литовскомъ существуетъ такое же двойное уменьшеніе, усиливающее его: *brolutatis*, *brolutelis* и пр. или одинъ и тотъ же суффиксъ уменьшительный повторяется: *mergeele;* есть случаи утроенія уменьшенія (въ dunas): *dikrytuzele* (Schleich. Handb. d. lit. Spr. I, 131—133, § 56).

[1]) *Гильфердингъ*, стр. 584.
[2]) *Кирша Д.*, 217.
[3]) *Соболевскій*, Влр. п. I, 487.
[4]) Труды и т. д. 117.
[5]) *Кирша*, 201.

жено: „ča... toată *ziulica* (отъ *zi*) luĭ munceste supărat“; уменьшительное ziulica совершенно соотвѣтствуетъ нашему *день-деньской*, или toata ziulico—цѣлый *денекъ*; „şi-am rămas aşa, singu*rica*, singu*rea*“—я остался одинъ одинешенекъ; „ai umblat toată nopticica haimana“, „ты прогулялъ всю ноченьку“, die ganze liebe Nacht и т. д.

Сошли съ небесъ *погодушку*...
Раскрой крыши желѣзныя...
Поднималась погодушка со вихремъ. [1])
Подымитко-тесь вѣтры буйные
..... съ *вихоречками* [2])...
Вѣютъ *вѣтрышки* на уличкѣ буйнешенько [3])...
Подымалася *погодушка*,
Что такая неугожая,
Съ вѣтромъ да съ грозами,
Съ великими угрозами [4]).
Щось на Чорному морю щось недобре начинае,
Злосопротивна *хвилечка* хвиля вставае [5])...

Въ примѣненіи къ изображенію душевныхъ настроеній — то же самое: *невзодыцце*, *невзодушка*, *кручинушка*, *побъдушка* (бѣда), если пѣсня изображаетъ большое горе.

Охъ, не отстать тоскѣ—*кручинушкъ* отъ сердечушка моего... [6]).
Край мого серденька *гадинонька* вѣтця,
А то не гадина, то лиха година... [7]).
Знать печаль-то мнѣ *кручинушка*,
Мнѣ великая *невзодушка* [8])...
За досаду королю показалося,
За *досадушку* за таку за великую [9])...
Кручинушка ты моя, *кручинушка* великая,
Никому ты моя кручинушка неизвѣстна,
Извѣстна ты моя кручинушка ретивому сердцу [10])....

какъ будто съ оттѣнкомъ пристрастія къ собственному горю, съ которымъ свыкаешься какъ съ достояніемъ сердца.

---

[1]) *Варенцовъ*, 104.
[2]) *Барсовъ*, прич. 163.
[3]) Ib., 28.
[4]) *Соболевскій*, I, 218.
[5]) *Антоновичъ и Драгомановъ*, I, 177.
[6]) *Соболевскій*, I, 493.
[7]) *Метлинскій*, 251.
[8]) *Соболевскій*, I, 118.
[9]) Ib., 37.
[10]) *Шейнъ*, Русс. н. пр. 290.

Сорываюць со головушки золотъ вянецъ
Накладываюць на головушку *заботушки*,
На рациво сердзечушко *зазнобушку* [1])...
Отъ племнятъ невелика прибережушка,
Только на сердцѣ *великая зазнобушка*....
Выкупъ мяне съ *няволюшки*
Съ *цяжеленькой работушки* [2]).
Становилися (калики) во единый кругъ,
Они думали *думушку* единую,
А едину *думушку* крѣпкую [3])...
Подломились ноженьки
Отъ доўгой *походыньки*,
Опусцилися рученьки
Отъ цязькой *работыньки*,
Склопоцылася головонько
Отъ цяжкаго *ўздыханьика*,
Змутилися воченьки
Отъ слезнаго *проливаньика*... [4]).
Случилось *несчастьице*,
Да не малое..... [5]).

Не привожу примѣровъ изъ причитаній, слогъ которыхъ характеризуется главнымъ образомъ употребленіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ. Всего ярче сказывается усиленіе въ примѣрахъ, гдѣ слова съ уменьшительнымъ суффиксомъ сочетаются со словами „не малый“, „не маленькій“, „великій“:

Немаленькій праздникъ, *праздничекъ* Петровъ день,
Всѣ рынушки—трактирушки будутъ растворены [6])...

(срав. силушка несмѣтная, Кирѣевскій, IX, 269).

Втапоры ласковый Владиміръ князь веселъ былъ....
Поднимали *пирушку* великую [7]) —

хотя въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ слышится и оттѣнокъ чувства ласки, радости.

Сторговала мнѣ родима матушка
На чужой то дальней сторонушкѣ
Великое да послушаньице...

---

[1]) *Шейнъ*, Бѣлор. п. 483.
[2]) Записки Имп. Геогр. Общ., V, 544.
[3]) *Кирша*, 154, 202.
[4]) Записки Имп. Геогр. Общ., V, 507, 223.
[5]) *Кирѣевскій*, IX, 269.
[6]) *Кирша*, 8.
[7]) Пермскій сборникъ „О свадебныхъ обрядахъ Чердыни“, 65.

Въ „стихѣ о Христовѣ Вознесеніи“ по одному варіанту:

Исполать тебѣ, Іоаннъ Златоустій,
Умѣлъ ты *словечко* промолвить (за нищихъ) [1])...

по другому же:

Ой же ты, Иванъ Богословечъ,
Умѣлъ ты съ Христомъ рѣць говорить.....
За твои за *сладкія* словеса [2]),

т.-е. за вліятельныя, сильныя по послѣдствіямъ. Далѣе: *оборонюшка* великая, много великихъ *пригрозушекъ* [3]), великая *хворобушка* [4]), великое *распутьице* [5]), такой *дивушки* не нахаживалъ [6]) и т. п.

Примѣры могутъ быть увеличены до безконечности, и всѣ подтверждаютъ, что, если разсказываемое передается съ пониманіемъ содержанія, и если уменьшительныя слова произносятся не безсознательно, по привычкѣ, часто безсмысленно, то уменьшительные суффиксы служатъ для выраженія усиленія представленія объ объемѣ понятія и о размѣрѣ предмета.

3. Съ необыкновенною яркостью выступаетъ значеніе уменьшительныхъ при именахъ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ, когда ими обозначается усиленіе въ смыслѣ выраженія наличности извѣстнаго качества въ наибольшей степени, по образцу:

Тяжелешенько тутъ она по мнѣ плакала [7])...

„понизехонько“ (кланялся), „поранехенько“ (вставалъ), „посмирнехенько“ (сталъ), „поблизехонько“ (подходилъ), „скорешенько“ (сѣдлалъ), „тошнешенько“ (на сердцѣ) и т. д.

Затѣмъ „чернешенькій“, „бѣлешенькій“ и т. д.

Ой якъ шле да шле части листоньки
Части листоньки до бабусеньки,
А наша бабусенька *готовусенька*,
Да *скоресенько* вшематалася [8]).

(Онъ) взялъ ключи поглядѣть, цѣлы ли его вещи,

[1]) *Варенцовъ*, 61.
[2]) Ib., 66.
[3]) *Барсовъ*. 288.
[4]) *Варенцовъ*, 212—16.
[5]) *Барсовъ*, XIX.
[6]) *Соболевскій*, I, 131.
[7]) *Гильфердингъ*, 46.
[8]) Труды Эти. Эксп., IV, стр. 7.

.... Ажно шкафы, якъ были *повнюсенькі*,
Пистолеты и шаты, якъ были *цѣлюсенькі* [1]).
Сяродъ двора шацеръ стоитъ *новюсенькій* ....
Трыся суха-*сухусенька* [2]).

Умирающій вдали отъ родныхъ проситъ товарища похоронить его не среди поля, гдѣ будетъ „*виднесенько*“ на всю „украину“.

Размахнула она ведерочками *широкохонько*,
Почерпнула голубенькими *глубокохонько* [3])...
Ходила.... красная дѣвица
Почастехонько ходючи,
Потихохоньку говорючи [4])...
А хващивъ же сынъ Данила *вострюсенькій* мечъ [5])...
Да чого ти, Марусенько, *слізненько* плачешь? [6])
Якъ мнѣ *тошненько*.
Якъ мнѣ *бѣдненько!* [7])
Эй ну-те жъ, козаки, галеру *швыденько* до Сѣчи приганяйте,
Щобъ не могли турки того дознати [8])...
А и теща къ обѣднѣ пошла
Что идетъ *помалешеньку*
Ступаетъ *потихошеньку* [9])...
А скорымъ-то скоро́ *скорешенько* [10]).
Мы теперь, теперь да *теперешенько*
Съ твоего двора съ княженецкаго [11])...

отвѣчаютъ старицы на вопросъ князя, давно ли со двора его, — т. е. только-только что, какъ *тихохонько*=тихо-тихо, скорехонько=скоро-скоро и т. д. „Бѣлехонька до бѣла“ [12]). Литов.: „анкеті ріта

[1]) *Носовичъ*, Зап. Им. Геогр. Общ., V, 119.
[2]) Ib., 371.
[3]) *Соболевскій*, I, 226.
[4]) Пермскій Сбор., l. c., 102.
[5]) *Носовичъ*, l. c., 263.
[6]) *Метлинскій*, 139.
[7]) Зап. Геогр. Общ., V, 516.
[8]) *Житецкій*, Мысли о нар. думахъ, 232.
[9]) *Кирша*, 283.
[10]) *Гильфердингъ*, 256.
[11]) *Соболевскій*, I, 125
[12]) Ib., 203. Въ латинскомъ языкѣ уменьшительнымъ суффиксомъ выражаютъ усиленіе качества, въ случаяхъ, когда слово само обозначаетъ качество малости, молодости, нѣжности и т. п. minitulus—ganz klein, малехонькій, pauculus малехонькій, breviculus коротехенькій, noviciolus, новехонькій, adolescentulus, молодешенькій и пр. или иногда и въ значеніи, въ какомъ соединяется съ уменьшительнымъ суффиксомъ въ русскомъ: бѣленькій, candidulus, prächtig weiss, bellulus, prächtig schön,

рітѣлі“ — утромъ рано раненько (Юшкевичъ, Лит. нар. пред., 19). Какъ въ обыденной рѣчи, такъ и въ народной поэзіи и въ литературныхъ произведеніяхъ слышится часто въ уменьшительныхъ суффиксахъ нѣчто, соотвѣтствующее суффиксамъ *ватый*, *атый*, т. е. присутствіе качества въ *нѣкоторой степени*: *плохенькій*=плоховатый, не очень плохъ, *тепленькій*=тепловатый, не очень теплый, *холодненькій*=холодноватый, не очень холодный. Текстъ, разумѣется, помогаетъ разобраться въ подобныхъ оттѣнкахъ; если слово соотвѣтствуетъ, напримѣръ, нѣмец. на *lich*: бѣленькій=weisslich, кисленькій=säuerlich, черненькій=schwärzlich, или латинскимъ: albulus, acidulus, nigellus, то замѣна уменьшительнаго суффикса суффиксомъ „ватый“ не представитъ измѣненія въ значеніи, хотя надъ значеніемъ ложится отношеніе говорящаго то симпатіи, то антипатіи въ зависимости отъ содержанія самого слова (срав. пошленькій, подленькій и глупенькій, слабенькій).

Во всякомъ случаѣ нельзя смѣшивать приведенныхъ случаевъ (примѣровъ) усиленія качества, увеличенія степени качества, съ явленіями въ родѣ:

„Спасибі, що послухали молодыхъ, то й нехай имъ богъ помогае. Якъ начинается, щобъ такъ и кончилось *веселенько* да *тиxенько*“, или

По чимъ познаци Калинку у Лузѣ?
Низенько сѣдзиць, *бѣленько* квицець [1]).

Здѣсь „низенько“ не то же, что въ „солнце низенько, вичоръ близенько“, гдѣ выражается качество въ очень большой степени, или въ: „оно (сердце) ноетъ завываетъ, по утру *раненько*... вечеромъ *позденько*“ [2]). Въ латышскомъ можно выразить, какъ и въ русскомъ, усиленіе признака, выражаемаго нарѣчіемъ отъ allasch—*иногда* (по временамъ) *allasch-it*, *allasch-in*, со значеніемъ *постоянно*; отъ leni—тихо, осторожно, len-it-im, len-in-am, len-it-in-am, осторожненько, ти-

прехорошенькій,—гдѣ вносится субъективность отношенія къ качеству (Cic. Tusc, 5, 16, 46 ср. Kessler, 22). Такъ же и въ именахъ прилагательныхъ, въ чешскомъ языкѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ русскомъ: отъ krátký: kratičký, kratinký, kratoučký, kratounký, kratininký, kratoulinký, отъ malý: malinký, maličký, malounký, maloulinký, malouninký, malininký, malinininký, maliský. Jicha, 8—9. По Куршату (Grammatik d. littausch. Spr., стр. 108, § 369) суффиксъ—*intelis* выражаетъ такое же усиленіе качества отъ „naũjas“ (новый) *naŭj-intelis*, новешенькій=ganz neu; по Шлейхеру оно соотвѣтствуетъ нашему *ватый*, нѣмецкому ziemlich. (Lehrb. d. lit. Spr. 132, § 56).

[1]) *Носовичъ*, Записки Имп. Геогр. Общ., 205.

[2]) *Соболевскій*, I, 505.

хонько, тихохонько; отъ pamas, медленно pamas-it-am, pamas-it-in-am, очень медленно и т. д. [1]). Для выраженія усиленія признака латышскій языкъ вставляетъ уменьшительный суффиксъ gar-*in*-ák-s, нѣсколько длиннѣе, подлиннѣе [2]). Уменьшительнымъ суффиксомъ пользуется латышскій языкъ для обозначенія большей степени качества: „ir gan praw-i'-n-sch", онъ великонекъ (мальчикъ для своего возраста; praw= великъ), trauk-s jau pill-i'-n-sch, сосудъ полненькій (pilnas=полный); tú-ms-inawakkarâ, въ темненькій вечеръ [3]).

4. Случаи употребленія уменьшительнаго суффикса для выраженія большей опредѣленности отрицанія чего либо вытекаютъ изъ понятія объ уменьшеніи объема понятія до minimum'a, до „нельзя болѣе".

А крестьянинъ-отъ божится, право денегъ нѣтъ,
А старуха ратится—ни *полушечки* [4]).
Не нашла душа пристанища,
Ни *ложечки* воды ни *капельки*... [5])
Тяжелой ты работой неогружена,
Браннымъ ты *словечкомъ* неогрублена... [6])
...Я признакомъ почелъ живыхъ страстей—*ни крошки* (Чацкій).
Словечка въ простотѣ не скажетъ—все съ ужимкой (Фамусовъ).

„Das *Pünktchen* trifft genauer als Punct; es fehlt nicht ein *Körnchen*, ist bezeichnender als Korn" (срав. „auf's Haar—auf's Härchen"), говорится вѣрно у Гримма [7]). „Босо, ного, нѣтъ на горѣ ни *ниточки*" [8]). „Нѣту малому *проходочки*..." [9]). Малор. „ни *однисенького*" выражаетъ вполнѣ опредѣленно отсутствіе всякаго, кого бы ни было. „Микола *ничевошечко* не знаетъ", говоритъ судебный слѣдователь въ „Преступленіи и наказаніи" [10]).

VI.

Какъ всяческія формы, и формы уменьшительныя въ своемъ первоначальномъ значеніи забываются и принимаютъ характеръ словъ на-

[1]) *Bielenstein*, Lett. Spr., I, 284.
[2]) Ib., II, 61, § 355.
[3]) Ib., I, 309, § 235.
[4]) *Кирша Д.*, 288.
[5]) *Варенцовъ*, 143—144.
[6]) *Барсовъ*, Причит., 118.
[7]) Thesaurus lin. germ. II, 616, срав. Aug. Mueller, de demin. etc. 68.
[8]) Повѣсть „О горѣ злосчастіи".
[9]) *Романовъ*. Бр. Сбор. I, 136.
[10]) Пол. соб. соч. Достоевскаго, изд. 1882 г., VI, 426.

равнѣ съ другими суффиксами, потерявшими спеціальное значеніе (съ одной стороны „мыло“, „рыло“, „шило“, гдѣ еще отчасти сознается значеніе *ло*, какъ орудія, а съ другой „горло“, „жерло“; „сѣятель“, „учитель“, съ прозрачнымъ суффиксомъ *тель* съ одной— и „добродѣтель“—съ другой стороны). Въ поговоркѣ „свекровь на *рѣчку*, невѣста на *печку*“ (о лѣнивой невѣстѣ) [1]) нѣтъ уже и тѣни уменьшительности, не смотря на то, что „рѣчка“ и „печка“ имѣютъ при себѣ „рѣка“ и „печь“; „щепка“—„прищепа“ (малор. „скіпка“), „квачикъ“ при „квачъ“ (помазокъ) [2]), „грудокъ“ (песчаная отмель въ рѣкѣ) при „грудь“—вода по грудь [3]), „горнушко“ при „горно“ (полуоткрытая печь въ алтаряхъ для угольевъ) и множество подобныхъ. Нечего и говорить о тѣхъ, которыя при себѣ не имѣютъ словъ въ неуменьшительной формѣ съ тѣмъ же значеніемъ, въ родѣ „ручка“ (стула, калача), „ножка“, „головка“, „спинка“, „булавка“, и т. д. и т. д. Но въ исторіи забвенія замѣчаются различные моменты. Литературный языкъ обнаруживаетъ тенденцію не забывать уменьшительныхъ суффиксовъ, а наоборотъ пользоваться ими, какъ замѣчательнымъ орудіемъ мысли, въ ея оттѣнкахъ и изгибахъ, оживляя и обновляя ее постоянно; народный же языкъ доходитъ въ своемъ забвеніи первоначальныхъ ихъ значеній до полнаго стиранія послѣднихъ; во многихъ случаяхъ уменьшительные суффиксы представляютъ лишній привѣсокъ, балластъ, дѣйствующій на развитое чувство непріятно, вслѣдствіе полнаго диссонанса въ сочетаніяхъ ихъ съ иными словами. Нѣкоторыми подробностями поясню мысль эту, чтобы закончить статью указаніями на способы пользованія суффиксами нашими художниками слова.

Уже съ древнѣйшихъ поръ замѣчается полное забвеніе первоначальнаго значенія уменьшительнаго суффикса; но такихъ словъ сравнительно мало, ихъ труднѣе отыскать, чѣмъ самыя слова съ уменьшительнымъ суффиксомъ и, напримѣръ, такія, какъ *закрышька* (Lex. Mikl. 212), *клѣпышь* (ib., 292) встрѣчаются очень рѣдко; въ „купляху по полугривнѣ *хлѣбець*“ [4]), быть можетъ, даже чувствовался оттѣнокъ уменьшительности. Въ общемъ мнѣ представляется несомнѣннымъ, что книжный языкъ пользовался уменьшительными суф-

[1]) *Сахаровъ*, Языкъ крестьян. въ ил. вол. 12—13.

[2]) Ibid., 21.

[3]) Ibid., 12—13.

[4]) 1241 г. см. *Шахматовъ*, „Общерусс. лѣтоп.“ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900 г., № 11, отд. 2, 137.

фиксами за все время своего существованія сознательно и предна-мѣренно, хотя и ограничивалъ употребленіе ихъ, пользуясь ими единственно для выраженія физической малости (юности людей, животныхъ) предметовъ, и позже въ переносномъ смыслѣ, напримѣръ, малости нравственной. Не то въ народномъ языкѣ. Очень рано уже замѣчается, рядомъ съ разнообразнымъ примѣненіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ въ различныхъ значеніяхъ, несоотвѣтствіе между требованіемъ мысли и употребленіемъ ихъ, — несоотвѣтствіе, которое переходитъ сперва въ противорѣчіе, а затѣмъ въ безсмыслицу, притомъ такъ, что чѣмъ позднѣйшей даты произведенія, тѣмъ замѣтнѣе становится несоотвѣтствіе между формою и содержаніемъ.

Ближайшимъ образомъ сказывается забвеніе въ случаяхъ, когда употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ не вызывается никакою потребностью ни психологическаго, ни логическаго свойства, когда оно не обусловлено и потребностью размѣра.

Отворяйся дверь дубовая ..
Не . . . . . наѣхали
Не *наборщички* съ Петровскаго
Идутъ баенные *истопщички*,
Подружки да *водоношщички*... [1])
Онъ на честный пиръ идё на свадебку
Къ Олешенки да ко поповичу,
Онъ не спрашиваетъ... ни *придверничковъ*,
Онъ не спрашиваетъ... ни *приворотничковъ*,
Онъ становился есть о *лапшику*... [2])
Починальничку да копу яецъ,
Помочальничкамъ по десяточку... [3])
И шли по дорогѣ *волочобнички* [4]).
Причетнички, *совѣтнички*...
Рыболовщички....
Кидали бросали
Бѣлосиненькія неводочки...
Изловили да свѣжу рыбочку... [5])
А намъ встрѣтилося девять *школьничковъ*
. . . . . девять *разбойничковъ*... [6])

---

[1]) *Рыбниковъ*, IV, 112.
[2]) *Гильфердингъ*, 146.
[3]) Бѣлорусскія пѣсни, собр. Носовичемъ, Зап. Геогр. Общ., 84, 376.
[4]) Ib., 85.
[5]) *Соболевскій*, I, 117.
[6]) *Соболевскій*, I, 260.

Злы лихи *подорожнички*... [1])
Повели млада *ключничка* на висѣлицу...
Ключникъ во *петелькѣ* качается
Въ палатушкахъ княгиня кончается... [2])
Рости-жъ сынку въ забаву,
Казачеству на слава
Вороженькамъ въ расправу... [3])
Тутъ стояли воры-*разбойнички*,
По русскому *подорожнички* [4]).
Наѣзжаютъ-то на старого *камышенки*
По русскому воры-*разбойнички* [5]).

Примѣровъ можно набрать безконечное множество; уменьшительныя имена не оправдываются рѣшительно ничѣмъ, ни однимъ изъ мотивовъ, опредѣляющихъ вышеназванные случаи. Они произносятся механически, безсознательно. Но въ этихъ случаяхъ еще не обнаруживается нарушенія смысла. Иногда замѣтно дѣйствіе языка по аналогіи, иногда по требованію созвучія; иной разъ по требованію того, что Потебня называетъ „согласованіемъ“ опредѣлительнаго съ опредѣляемыми [6]). Но вотъ нѣкоторые образцы, которые не даютъ повода объяснить присутствіе уменьшительныхъ и указанными причинами. Достаточно много фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что поется и разсказывается нѣчто совершенно безсмысленное: „я былъ свидѣтелемъ, сообщаетъ Гильфердингъ, смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, поющій по профессіи духовные стихи... онъ началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладицу невообразимую; такъ, напримѣръ, онъ пѣлъ:

И говоритъ-то Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ...
А ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо,
Во чистое поле ѣхать поляковать,
И биться ратиться
За церкви соборныя, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земного правителя

[1]) Ib., 262, 265.
[2]) Ib., 53.
[3]) Труды, IV т., 27.
[4]) *Кирѣевскій*, II, 27.
[5]) Ib., 17, 27.
[6]) *Потебня*, Изъ Зап. по Р. Гр. III.

Всероссійскаго да содержателя,—
За все воинство христолюбивое.." [1]).

Понятно, что если искаженію поддается содержаніе, если въ самомъ содержаніи нескладица и безсмыслица, то отдѣльныя предложенія подвержены имъ тѣмъ болѣе, а еще болѣе слова съ суффиксами, приставляемыми по привычкѣ, по слуху, рефлекторно. Не перечислить, разумѣется, не перебрать случайностей въ народной поэзіи и въ рѣчи (меньше), свидѣтельствующихъ о полномъ непониманіи уменьшительныхъ словъ, употребляемыхъ безъ смысла; но нѣсколько образцовъ привести необходимо,—они весьма характерны.

Смерть изображается переселеніемъ въ міръ покоя и радости,—и тогда обозначеніе ея ласкательнымъ словомъ „*смеретушкой*" понятно; но въ другихъ случаяхъ (особенно въ причитаніяхъ) смерть изображается „врагомъ", „душегубцемъ",—и тогда „злодійская смеретушка" звучитъ полною дисгармоніею; уменшительный суффиксъ не оправдывается ничѣмъ, кромѣ механическаго дѣйствія привычки произносить слово въ извѣстномъ сочетаніи.

„За утра Ваню къ *наказаньицу* ведутъ"... [2]).

говоритъ пѣсня, относящаяся сочувственно къ герою. Жена зарѣзала мужа, бросила въ погребъ,

„Желтымъ пескомъ присыпала
Правой *ноженькой* притопнула"...

или: мужъ, внѣ себя отъ негодованія, пріѣзжаетъ домой и

„Топнетъ ворота правой *ноженькой*" [3]).

Пѣсня говоритъ о вражеской землѣ шведской:

На шведской *поземелюшкѣ* [4])...

Чужіе генералы, чужая армія—по пѣснѣ:

„*Енералушка* (ходитъ) по *армѣюшкѣ*" [5])...,

а о чужомъ городѣ:

„Ты укрѣпа моя, *укрѣпушка* Берлинъ городъ" [6])...

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1872, мартъ, 102.
[2]) *Кирѣевскій*, вып. 9, *Безсоновъ*. 12.
[3]) *Соболевскій*, I, 187.
[4]) *Кирѣевскій*, вып. 9, 125, 139.
[5]) Ib., 229.
[6]) Ib., 154.

или:

Сидючи на *прикрасушкѣ*, на крутой горѣ... [1])

Былина говоритъ о Маринкѣ (курвѣ):

„Обернулася Маринка *касаточкой*“... [2])

Она же называется еще: *Мариночка* курва... или *Мариночка отравщичка* [3]). „Досадушка“ ни къ селу ни къ городу, въ стихѣ:

За бѣду стало да за *досадушку*,
За досаду-то да за великую [4])...

и *слѣдочики* [5]), и *вѣкушку* [6]), и *попикъ* [7]), и *попадьюшка* [8]),—хотя послѣдняя *весьма* рѣдко (быть можетъ изъ уваженія къ духовному званію?) и т. д.

И въ приведенныхъ примѣрахъ, которые увеличить можно безъ конца, все же нѣтъ особенной безсмыслицы, тутъ скорѣе нѣкоторое несоотвѣтствіе между формою и содержаніемъ; но бѣлорусская народная поэзія представляетъ въ невѣроятномъ изобиліи образцы безсмыслія полнаго, такого безсмыслія, по крайней мѣрѣ для насъ, которое не можетъ быть и объяснимо иначе, какъ полнымъ забвеніемъ функціи уменьшительныхъ суффиксовъ, исчезновеніемъ сознанія различія между формами уменьшительными и нормальными,—даже почти забвеніемъ нормальныхъ формъ въ пользу именно уменьшительныхъ—и въ этомъ отношеніи замѣчается необыкновенное сходство съ причитаніями великорусскими. Въ послѣднихъ—употребленіе уменьшительныхъ словъ явленіе самое обычное, вся рѣчь проникнута ими; на каждомъ шагу *смеретышка*, *тоскичюшка*, *разлукушка*, *напрасничка* (напраслина), *остудушка*, *худобушка*, *обидушка*, *горюшка*, *хворобушка*, *несчастьичко* и т. п. Останавливаться на этихъ незачѣмъ,—открыть любую страницу и закишатъ подобныя рѣчи. Остановлюсь на образцахъ бѣлорусскихъ, чтобы показать, до какой нелѣпости выраженій доходитъ поэзія этой народности.

---

[1]) Ib., 167.
[2]) *Кирша*, 46.
[3]) *Гильфердингъ*, 1088.
[4]) *Гильфердингъ*, 1326.
[5]) Ib., 1089.
[6]) *Соболевскій*, I, 6.
[7]) Ib., 587.
[8]) Ib.

Процпкала рѣка отъ самого Христа.
А по той-то рѣкѣ плыли плыли *карабельки*,
А ў тыхъ-ти *карабелькахъ Янгалки, апостольки* [1]).
Алексѣйка Божья *человѣчакъ*...
Ацецъ цяба съ матушкой нявзная [2]).
Уставъ же Христосъ да изъ *гробика*,
Его личико *свѣтлешенко*.
Его плацьице да бѣлюсенько... [3])
Самъ Христосъ царь нябеснай...
Багародзицка Маць Божья
Васкрясенійца Христова
Вазнесенійца святое...
Живоначальная *троицка*...
Сохроняй, Боже, памилуй
Отъ ложная *пасцѣльки* и т. д. [4])
Охъ табѣ-жъ-та, цѣлу (тѣлу) нцци да ва сырую ва землю...
Тваимъ костачкамъ сырой зямли на *прибавочку*
А бяло-ль цѣла чарвямъ на *съядзьнійца*...
А душѣ... Къ самому-ль Христу нцци на *вспакаянійца*...
Никакова-ль я *гавьнійца* ня дзерживала...
Мнѣ *пращенійца*-ль нѣтъ, *спакаянійца* [5])

и т. д. въ такомъ же духѣ: *абѣдзинки, свадзибки, законушки* (разлучивала), и весь стихъ (о „Грѣшницѣ“ около ста строкъ) состоитъ изъ уменьшительныхъ, идущихъ одно за другимъ, какъ по заведенной машинѣ:

Ишла *купалка* селомъ [6]), *купаленька* [7]),
Звала *купалка* Иллю на игрище... [8])
Купалочка, гдѣ твоя дочка?.. [9])
„А свѣтелъ мѣсецъ - отъ *затылоцька* Господня...
А буенъ вѣтеръ—отъ *здыханьица* да отъ Господня... [10])
Ишовъ *божокъ* дорогою... [11]).

И, чтобы не громоздить примѣры — послѣдній образецъ, причемъ

---

[1]) *Шейнъ*, Зап. Геогр. Общ., 673.
[2]) *Варенцовъ*, 223.
[3]) *Носовичъ*, Зап. Геогр. Общ., 85.
[4]) *Варенцовъ*, 208—210.
[5]) Ib., 236 и слѣд.
[6]) *Шейнъ*, 432, Зап. Геогр. Общ., V.
[7]) Ib.
[8]) *Носовичъ*, 91, Зап. Геогр. Общ., V
[9]) Ib.
[10]) *Варенцовъ*, 18.
[11]) Ib., 240.

замѣтить слѣдуетъ, что подобныя формы встрѣчаются и въ языкѣ сказокъ: „*уподничкоу*“ [1]), „*Боженька*“ [2]) и т. д.

И текла руда на *коренійцу*.
Съ яво руды кора выросла.
И брали кору по всимъ попамъ...
По всимъ церквамъ по *церковичкамъ*... [3])

Не говорю уже ничего о такихъ оборотахъ, какъ:

Нялюбый жаны *обниманнки* ня цѣсны,
Нялюбый жаны *цилованнки* ня уцѣшны [4])

или:

А *музыченьку* на шеенкѣ... [5])

или:

Будциць табѣ *перепущейко* быстрая рѣчка [6]),

они свойственны и русскимъ и малорусскимъ пѣснямъ. И въ послѣднихъ встрѣчаются довольно часто несоотвѣтствія, какъ я сказалъ, но они всѣ находятъ извѣстное оправданіе: или само слово въ большинствѣ случаевъ въ обыденной рѣчи употребляется въ уменьшительной формѣ, напр. *матінка* (вспомнимъ уваженіе къ матери по народ. пѣснямъ), и тогда *матінка нерідненька* [7]) не содержитъ противорѣчія; или пѣсня требуетъ созвучія внѣшняго, и получается даже граціозное нѣчто:

„Ой ты, Байда, та *славненькій*,
Будь мини лыцарь та *вирнесенькій*,
Возьми въ мене *царывночку*
Та будешъ паномъ на всю *Украиночку*“ [8]);

или уменьшительныя слова вызываются потребностью риѳмы,—и даже въ такомъ случаѣ уменьшительный суффиксъ не нарушаетъ логическаго построенія:

Ой, на тобі, бабусенька, *коробочку* гречки,

---

[1]) Зап. Геогр. Общ., V, 710.
[2]) Ib., 711.
[3]) *Варенцовъ*, 233.
[4]) Зап. Геогр. Общ., V, 537.
[5]) Ib., 387.
[6]) Ib., 393.
[7]) *Метлинскій*, Юж. р. п. 201.
[8]) *Ср. Евецкій*. Малор. пѣсни и думы, 65.

Бери мене легесенько да за *попереčки*;
Ой на тобі, бабусенька, половину бочки,
Бери мене легесенько за *бочки*...

и тутъ же когда не требуется риѳмой:

Ой на тобі бабусенька грецкоі муки,
Возьми-жъ мене легесенько за білій руки,

а вслѣдъ затѣмъ, опять по требованію риѳмы: *кубочекъ — животочекъ* [1]).

Часто вносится нѣчто субъективное въ отношеніи къ нѣкоторымъ понятіямъ, воспринимаемымъ обыкновенно безъ примѣси чувства, и все-таки не дѣйствуетъ своимъ характеромъ антиэстетично, потому что гармонируетъ съ цѣлымъ:—мужъ-чумакъ говоритъ:

Якъ би ти жінка була добра,
То ти бъ сиділа дома;
Пъятінку спостила,
Неділоньку чтила [2]).

Или уменьшительныя слова являются просто взамѣнъ словъ безъ уменьшительныхъ суффиксовъ, не нарушая смысла, придавая лишь болѣе мягкую окраску цѣлому:

Церковця нова побудована,
Побудована с трёмя *вершечки*,
С трёмя вершечки с двома *оконці*,
На тих вершечках три *голубонькі*,
По під церковцю лежит *стежечка*,
Надішли ж нею два *мисливчики* [3]).

О такихъ сочетаніяхъ Потебня справедливо говоритъ: „ласкательность становится общимъ, такъ сказать, освѣщеніемъ, исходная точка котораго можетъ быть для насъ скрыта и не сознаваться самимъ пѣвцомъ“ [4]).

И въ другихъ, и во многихъ случаяхъ, и въ большинствѣ случаевъ мы можемъ наблюдать въ произведеніяхъ слова малорусскаго народа пользованіе уменьшительными словами болѣе или менѣе кстати; оно не нарушаетъ логики сочетанія словъ. Мы встрѣчаемъ и „*Господонько*

---

[1]) Труды экспедиціи и пр. IV, стр. 11.
[2]) *Рудченко,* Чумакъ въ нар. пѣс. *Вѣстн. Евр.* 1872, сентябрь.
[3]) *Потебня*, Изъ Зап. по рус. гр. III, 99.
[4]) Іъ., 98.

питается“ [1]) и „благослови *боженьку*“ [2]), „и въ тии *церковці* святый Спасъ“ [3]) и „*Суботонька* на неділеньку пійшла“ [4]) и т. п., но нѣтъ нигдѣ той дисгармоніи, того диссонанса въ сочетаніяхъ словъ, нѣтъ и тѣхъ удивительныхъ присоединеній уменьшительныхъ суффиксовъ къ словамъ, по существу не поддающимся уменьшенію (ласкѣ и пр.), какія встрѣчаются въ бѣлорусскихъ произведеніяхъ слова. Въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются сочетанія, въ родѣ

Знати *галоньку* по *літалоньку* [5])...

или

Радоньку рядятъ *субірненькую*,
Субірненькую *недільненькую* [6]) и т. п.

Сочетанія, и не привычныя для уха, не рѣжутъ его однако, а въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, ласкаютъ слухъ:

Щоб не було *порлоньки* од батенька та рідненького [7])...
Бери *доненьку* собі *рівненьку* щобъ не було *гнівненко* [8])...
Ой спасибі тобі, мій батеньку,
За твое *гулянейко* [9])...

или: нічнее *стоянначко*, світовее *вертяннячко*... и т. п. [10]). Во всѣхъ случаяхъ чувствуется какая-то мягкость тона, совершенно соотвѣтствующая общему настроенію, и въ меньшинствѣ лишь замѣчаются уменьшительные по требованію одного созвучія, или ритма, въ дѣтскихъ пѣсняхъ, напр. гдѣ часто и не требуется никакого смысла,

„.... А білні лебеді
Та й убілють на воді,
А білні щукашечки
Да й помнютъ рубашечки“ [11]).

Въ великорусской народной поэзіи замѣчается своеобразность. Во-пер-

[1]) Труды экспед. и пр. IV, 20.
[2]) Ib., 101.
[3]) Ib., 129.
[4]) Ib., 88.
[5]) *Чуб.*, V. 491.
[6]) *Голов.*, II, 28.
[7]) *Метлинскій*, 141.
[8]) Труды и пр. Чубинскій, IV, 90.
[9]) *Метлинскій*, 226.
[10]) *Потебня*, 493.
[11]) *Метлинскій*, 4.

выхъ, или вовсе нѣтъ уменьшительныхъ, или ихъ очень мало въ произведеніяхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ книги (духовно-религіознаго содержанія); въ послѣднемъ случаѣ, въ ограниченномъ объемѣ, они распространяются на предметы вещественные, конкретные, и въ исключительныхъ случаяхъ на предметы отвлеченные.

Во-вторыхъ, нужно выдѣлить произведенія, извѣстныя подъ именемъ „причитаній", съ такимъ преобладаніемъ уменьшительныхъ суффиксовъ, что совершенно заслоняютъ собою слова безъ уменьшительныхъ суффиксовъ. Между этими крайними группами слѣдуетъ поставить, въ-третьихъ, былинную поэзію и признать, что въ ней страннымъ образомъ сливаются и бѣдность и изобиліе уменьшительныхъ, въ зависимости отъ даннаго времени, данной мѣстности и отъ лица, сказывающаго или поющаго (между прочимъ и пола).

Къ первой категоріи относятся духовныя пѣсни, пѣсни каликъ перехожихъ, голубинная книга и народныя пѣсни, стоящія къ нимъ ближе другихъ, въ родѣ „Горя злосчастія". Въ послѣдней, напр., по редакціи 1856 г. [1]) насчитывается на 556 стиховъ всего на все 16 словъ: *чулочки, кирпичекъ, лапочки-отопочки, ниточки, лычкомъ, бережку* (2 раза), *песочику, напьвочка* (2 раза), *кудерцы, ручку, бѣлешеньку, головенкою, травонька* (2 раза), *рыбонькѣ*.

Понятно, суффиксовъ будетъ гораздо меньше въ стихахъ съ религіознымъ содержаніемъ κατ' ἐξοχήν, хоть и апокрифическихъ. Напр. въ стихѣ „О Гадамѣ", по рукоп. XV, нач. XVI ст. [2]),—ни одного уменьшительнаго слова; нѣтъ ихъ ни разу напр. въ стихѣ „О святомъ младенцѣ Кирикѣ", „О Мученіи" и пр. или въ статьѣ о „Гавриковомъ сынѣ Василіѣ" и т. п., записанныхъ въ наше время [3]).

Уже въ силу характера аскетическаго, исключающаго возможность проявленія любовнаго, ласковаго или однороднаго чувства, уменьшительнымъ словамъ быть не полагается, но проникаютъ они все же, спорадически, то тамъ, то сямъ, подъ сильнымъ давленіемъ народнаго языка:

„Перегубили малыхъ *младенчиковъ*, все безгрѣшныихъ.... [4])
Идите вы малы *младенчики*....
Втогды растужаться добры *сиротки*.... [5])

---

[1]) Истор. хрест. Буслаева, стр. 1367 и слѣд.
[2]) *Варенцовъ*, 40.
[3]) Ib., 77—90.
[4]) Ib., 46.
[5]) Ib., 65.

Какъ въ моемъ ли было зеленомъ саду
Выростало *деревцо* сахарное....
Прилетала *пташечка малешечка*" и т. п.

Попадаются *цвѣточки* (лазоревы), *рѣшеточки* (желѣзны) [1]), *полоняночки* (русскія) [2]) и *погодушки* съ восточной *сторонушки* [3]), *рѣчышка Смородушка, мосточекъ* [4]), у *вдовушки сиротушки* [5]), съ подъ *камышка* съ подъ *кустышка* [6]), *горюшки кручинушки* [7]) и т. п., но въ общемъ весьма рѣдко.

Мотивы въ пѣсняхъ каликъ, проводникахъ христіанскихъ идей (церковныхъ), содержатъ уменьш. суффиксы въ чрезвычайно бѣдныхъ дозахъ; въ меньшинствѣ слышится выраженіе лирическаго настроенія, субъективнаго отношенія. Предлагаю для образца открыть Гильфердинга, 409, 542 и др. [8]), по ограниченности мѣста выписывать отрывки не удобно. Объ изобиліи умен. въ причитаніяхъ мы говорили уже; указано также на множество случаевъ, представляющихъ полное несоотвѣтствіе между содержаніемъ и формою уменьшительныхъ въ другихъ произведеніяхъ. Необходимо упомянуть еще о былинахъ и объ историческихъ пѣсняхъ, весьма умѣренно пользующихся уменьшительными. Убѣдиться въ этомъ можно, перечитывая сборники былинъ, причемъ изслѣдователь подмѣтитъ, что былины, записанныя ранѣе, въ 18 ст., весьма часто не имѣютъ уменьшительныхъ тамъ, гдѣ болѣе новыя былины употребляютъ ихъ обыкновенно. То же и съ историческими пѣснями. Сопоставляя одни и тѣ же пѣсни, отдаленныя одни отъ другихъ даже на разстояніи 40—50 лѣтъ, можно замѣтить тенденцію къ учащенію въ употребленіи уменьш. суффиксовъ. Изъ многихъ выбираю пѣсню, помѣщенную подъ №№ 434 и 435,—сборника Соболевскаго [9]), объ записанныя въ Уральской области, подъ № 434 въ 1848, подъ № 435, въ послѣднее время. Сюжетъ весьма несложный: обращеніе къ пашнѣ, обагренной кровью („распахана" копьями, „засѣяна" головами) и обезлюженная. Въ первомъ варіантѣ встрѣчается одинъ разъ *поливочка*

---

[1]) *Варенцовъ*, 96.
[2]) Ib., 99.
[3]) Ib., 104.
[4]) Ib., 127.
[5]) *Варенцовъ*, 128.
[6]) Ib., 129.
[7]) Ib., 128.
[8]) Онежскія был. I-ое изд.
[9]) *Великр.* пѣсни I, стр. 511—512.

(„и на поливочку не надѣйся“) и *дождикъ* („польетъ съ неба дождикъ“); во второмъ рѣчь все время идетъ о „пашенькѣ“ (не „пашня“, какъ въ первый разъ) и повторяется 9 разъ; кромѣ того и *полковничекъ* и *дождичекъ* [1]) и *поливочка*, хотя пѣсня длиннѣе нѣсколько—24 стиха, тогда какъ въ первой всего 15,—впрочемъ при размѣрѣ 12—13 слоговомъ.—То же самое можно сказать, еще въ большей мѣрѣ, относительно варіантовъ, записанныхъ въ сборникахъ 18 ст. и въ ½ XIX. Сравнимъ напр. пѣсни подъ №№ 12 и 17, 18 [2]), а послѣднія съ Гильфердинговскимъ „молодецъ и королева“ [3]). То же относительно историческихъ пѣсенъ—если сравнить, напр., сборникъ Кирѣевскаго [4]) (вып. IX, 309—320) съ Гильфердинговскимъ; въ первыхъ, кромѣ обыкновенныхъ ласкательныхъ, нѣтъ почти уменьшительныхъ словъ; въ послѣднихъ—временами довольно часто. Сравненіе могло бы составить предметъ отдѣльнаго изслѣдованія, но едва ли могло бы привести къ инымъ результатамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно будетъ признать и постоянство въ употребленіи уменьш. суф., если, напр., сравнить пѣсню XVIII ст. (самаго начала,—записана въ 1729) [5]) съ отрывкомъ той же пѣсни, записанной въ ½ XIX. Одно мѣсто по 1-й версіи: „Постригись моя немилая, поскимься, постылая; на постриженье дамъ сто рублевъ, на поскимленье дамъ тысячю, поставлю келейку въ Ярославле красномъ городе,—тонешенку малешенку. Съѣзжались князья бояра, тутъ келейке дивовалися, што это за келейка тонешенка, что это за старица молодешенка“; по 2-й версіи:

Постригись моя немилая,
Посхимся, постылая!
На постриженье выдамъ сто рублей
На посхименье тебѣ—тысячу!
Я поставлю нову келейку...
Случилось ѣхать князьямъ боярамъ
Они спрашиваютъ: „что за келейка,
Что за келейка, что за новенька“.
Что въ ней за монашенка за молоденька?... [6]).

---

[1]) Ib., 513.

[2]) Ib., 37 и слѣд.

[3]) *Гильфердингъ*, стр. 719 и 1317.

[4]) Вып. 9, стр. 309—320.

[5]) Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII в., А. Пыпина, (Отд. древ. Изв. Ак. Н. V, кн. 2, 554). Стр. 4, дѣло 1729 г.

[6]) Русс. Арх. 1863, *Кирѣевскій*, VIII в. *Соболевскій*, I, 391.

VII.

Потебня находилъ, что вообще ласкательность, распространенная на всѣ, или почти всѣ имена, въ данной рѣчи, „становится общимъ, такъ сказать, освѣщеніемъ, исходная точка котораго можетъ быть для насъ скрыта и не сознаваться самимъ пѣвцомъ“ [1]). Думаю, что можно признать „общее освѣщеніе“ только въ такихъ случаяхъ, когда причина ласкательности или другого рода субъективнаго отношенія не скрыта для насъ и сознается самимъ пѣвцомъ—иначе и освѣщенія быть не можетъ. Тогда поддается опредѣленію душевный складъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни—и настроеніе мѣняется: то оно элегическое, то ироническое, то усиленіе чувства и т. д. Лучшимъ доказательствомъ отсутствія освѣщенія являются пѣсни бѣлорусской поэзіи. Въ этой поэзіи не только уменьшительныхъ (суффиксовъ) словъ больше, чѣмъ въ поэзіи великорусской и малорусской, но ими проникнутъ весь строй поэтической рѣчи, а между тѣмъ въ рѣдкихъ случаяхъ дается извѣстное освѣщеніе; наоборотъ уменьшительные суффиксы вносятъ дисгармонію, часто безсмыслицу. Одинъ—два только образца,—и по нимъ можно судить о множествѣ однородныхъ явленій, на сколько уменьшительные суффиксы мѣшаютъ пониманію пѣсни, если не признать возможности (вѣроятности) того, что значеніе уменьшительности стерлось въ нихъ окончательно и совершенно слилось съ обычною формою.

У ровнымъ полѣ корчомочка стоиць,
А у тэй корчомцѣ два брацика пьюць.
Одзинъ братка пивъ, коника пропивъ,
Другій братка пивъ, да й жонку пропивъ.
Што коня пропивъ, свиснувъ—вороцивъ,
Што жонку пропивъ, руки сощепивъ.
Пришовъ до хатки; плачуць дзицятки,
Ой татка, да дзѣжъ наша матка?
Пропивъ я матку на солодкомъ меду.
Построю вамъ хатку новюсенькую!
Возьму вамъ матку молодзюсенькую!
Згори тая хатка новюсенькая!
Здохни тая матка молодзюсенькая! [2])

[1]) *Потебня*, Зап. по р. гр. III, 98.
[2]) Зап. геогр. общ. V, 252.

Очевидно, ни единства настроенія, ни единства тона, ни общаго освѣщенія не выражается здѣсь уменьшительными суффиксами именъ. Стоитъ сравнить только заключительные два стиха бѣлорусскихъ пѣсенъ съ однородными русскими, несомнѣнно перенесенными сюда, мимоходомъ сказать, неорганически, чтобы видѣть, что отсутствіе уменьшительныхъ въ послѣднихъ именно и придаетъ силу и выразительность скорби дѣтей. — И это еще опредѣленнѣе сказывается при сравненіи варіантовъ въ самой бѣлорусской поэзіи, изъ которыхъ въ одномъ пѣсня оканчивается въ большемъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ (ближе къ русскому).

„Пропади хатка съ молодой женой..“ [1]).

Въ иныхъ случаяхъ обнаруживается совершенно ясно употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ какъ результатъ почти механическаго повторенія, вѣрнѣе рефлекторнаго (ритмическаго) движенія голосовыхъ органовъ.

Дзеверъ, дзеверъ дзеверинушка
Ай дцѣ твоя живоцинушка?
Коровочки у дубровочки,
Овечечки возлѣ рѣчечки,
А свиночки на долиночки,
А козеньки возлѣ лозеньки,
Лошадочки на площадочки... [2]).

Сказаннымъ не отрицается вѣрность замѣчанія Потебни о возможности случаевъ общаго освѣщенія; такъ, оно ясно, напримѣръ, въ пѣснѣ любовной

А я вѣрнаго слугу
За цымбалами пошлю
За *медкомъ* за *пивцомъ*
За *солоденькимъ винцомъ*.
Дамъ червоны *черевички*,
Съ устужками (лентами) *невелички*,
И бѣлевыя панчошки (чулки)
И сафьяновы *сапожки*
На бѣлыя твои *ножки* [3])...
Јау дiенэла iльгесні
Ір саулала шiльтесні

[1]) Ib., 538, № 443.
[2]) Ib., 109.
[3]) Ib., 115.

Іш бѣржѣліу сулала текѣjо.
Аш спернѣлгусъ суплojау.. и т. д.

[Ужъ денекъ длиннѣе—И солнышко теплѣе—Изъ березки березовица капала—Я крылышки сложилъ... и т. д. [1])].

Ціт, не веркі, сіратѣле....
Ту салауки саулę тѣкант
Nе матушę....
Гуль матушѣ ант лентѣлѣс
Дѣг жвакѣлѣс прі гальвелѣс...
Верх дукрѣлѣ прі шалѣлѣс

[тише, не плачь сиротинка... ты дождешься солнечнаго восхода,—а не матушки... Лежитъ матушка на доскѣ—горятъ свѣчки при головушкѣ—плачетъ дочка возлѣ матушки [2])].

Но не слѣдуетъ думать, чтобы замѣчаніе оправдывалось въ большинствѣ пѣсенъ, вообще произведеній народной словесности, особенно былинной поэзіи. Есть случаи, когда никакъ нельзя опредѣлить присутствіе освѣщенія, т. е. сознается-ли или не сознается наличность чувства, когда произведеніе стоитъ на границѣ между предпослѣднимъ и послѣднимъ изъ приведенныхъ примѣровъ:

Скорѣй не барице (не мѣшкайте)
Сестрицу дарицу,
Дзѣвочки—боярочки,
Кладзице падарочки!
Удалые молойчики.
Кладзице червончики!
Красныя золовочки
Кладите золотовички!
Дзядзинки *голубочки*
Кладзице *урубочки* [3]).

Нужно-ли послѣ этого приводить образцы изъ причитаній? Конечно, освѣщеніе есть; но объ этомъ освѣщеніи можно судить a priori, и безъ уменьшительныхъ; съ другой стороны громадное злоупотребленіе уменьшительными лишаетъ все данное произведеніе всякаго освѣщенія,

Поминаютъ свою дружку *разговорщичку* [4])

---

[1]) *Юшкевичъ*, Литовскія нар. пѣсни, стр. 37.
[2]) Ib., 40.
[3]) Зап. Г. Об. V, 252, 160.
[4]) *Барсовъ*, Причитанія, 124.

Оставлять набъ чваковито *нарѣченьице* [1])
Мнѣ учливая—умильная *поговорюшка*...
Впереди онъ былъ тоби *передовщичекъ*,
Позади онъ былъ любимый да *повозничекъ*.... [2])
Былъ заступушкой, заборонушкой
Вѣють вѣтры... со *западочкой*... [3]) и т. д.

на каждомъ шагу: *сльдовьнчики* [4]), *умильнешенко*, *умильнешенько* [5]), *суровешенько* [6]), *страпеюшка*, *ткіюшка* [7]), *гульбищечка* [8]), *приразушка* [9]) и т. д.

Разумѣется, причитаніе употребляетъ кстати уменьшительное, если, напримѣръ, выражаетъ священную минуту умиранія; тогда естественно выраженіе сидѣть у „трудной *постелюшки* и тяжелаго *изголовьица*“ и глядѣть, какъ душа выходитъ изъ „бѣлыхъ грудей“ [10]); но если принять во вниманіе всю совокупность случаевъ примѣненія уменьшительныхъ суффиксовъ, то нельзя не прійти къ выводу, что нѣтъ связи между представленіемъ о предметѣ и способомъ его выраженія. То же можно сказать о различныхъ произведеніяхъ великорусской поэзіи, даже о пѣсняхъ, въ которыхъ самый характеръ требуетъ лиризма по преимуществу. Стоитъ лишь сравнить различные варіанты одной и той же пѣсни, чтобы видѣть, что уменьшительныя слова—случайны, не вызываются свойствомъ настроенія, а потому въ одномъ варіантѣ появляются, въ другомъ исчезаютъ. Возьмемъ №№ 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290 [11]), которыхъ содержаніе несложно: дѣвушка скорбитъ о томъ, что ея милый, пріодѣвшись, пріубравшись, направился къ ней, но переходя черезъ мостокъ (жердочку) утонулъ, „упавши съ мостика“: „кудри“ (284, 285), „кудерюшки“ (286), „кудерьки“ (287), „кудерцы“ (288), „кудерьки“ (289), „кудерьки русы волоса“ (290); шляпа (284), шляпонька и шляпа (290), въ остальныхъ шляпонька; гребешкомъ (284), въ другихъ—гребешечкомъ, гребеночкомъ (287) и пр. Не зачѣмъ

---

[1]) Ib., 159.
[2]) Ib., 200.
[3]) Ib., 202.
[4]) Ib., 124.
[5]) Ib., 152.
[6]) Ib., 158.
[7]) Ib., 117.
[8]) Ib., 203.
[9]) Ib., 288.
[10]) *Барсовъ*, l. c., XII.
[11]) *Соболевскій*, I, 370—376.

приводить всѣхъ параллелей—достаточно сказать, что № 284 отличается полною сдержанностью, т. е. въ немъ отсутствуютъ уменьшительныя, за исключеніемъ: сударушка, рѣченька, мостовиночка, песочкомъ, бережочкомъ; № 286 состоитъ почти изъ сплошныхъ уменьшительныхъ; на 28 строкъ № 284 пять словъ; на 46 строкъ 286-го №—24 слова уменьшительныхъ; въ остальныхъ №№ распредѣляются равномѣрнѣе.

Весьма часто пѣсня, начинаясь съ уменьшительныхъ, ведется по инерціи уменьшительными безъ взякой видимой или скрытой причины:

Ставилъ Потанько плужокъ,
Подъ окошко къ себѣ на лужокъ...
А садился травникъ на лужокъ,
А травку пощипываетъ,
По лужку похаживаетъ,
Ходючи травникъ по лужку,
Да попалъ травникъ въ плужокъ
Своей лѣвой ноженькой
Онъ правымъ крылышкомъ
Да мизиннымъ персточкомъ [1]).

Злоупотребленіе уменьшительными обнаруживается еще ярче изъ сравненія съ пѣснями, въ которыхъ выступаютъ суффиксы увеличительные; послѣдніе выражаютъ всегда и неизмѣнно нѣчто такое, что соотвѣтствуетъ обычному представленію о формѣ *ище*, по слѣдующему образцу:

Ужъ вы, нянюшки, мамушки.....
Посмотрите на улицу
Еще этотъ-ли Дмитрій князь?
Ахъ, ножища-то, что вилища,
Ручища-то что граблища,
Головище, что пивной котелъ,
Глазища-то что ямища,
Губища-то, что полчища [2])...

И съ положительностью можно утверждать, что не найдется мѣста, въ которомъ не было бы полнаго соотвѣтствія между представленіемъ о чемъ-то большомъ и выражающемъ его суффиксѣ.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, не вполнѣ можно согласиться съ Потебней, который усматриваетъ нѣкоторое сходство между согласованіемъ (существительнаго и прилагательнаго) въ родѣ и согласо-

[1]) *Кирша*, 290.
[2]) *Соболевскій*, I, 243.

ваніемъ въ степени уменьшительности между прилагательнымъ и существительнымъ, а несогласуемость уподобляетъ несогласуемости послѣднихъ [1]). Тогда только возможна была бы параллель, если бы прилагательныя уменьшительныя превратились въ форму, лишенную значенія уменьшительности, или превратились бы въ обычную формулу, въ общее мѣсто, или если бы не было случаевъ, приведенныхъ мною, когда уменьшеніе выражается въ названіи признака, а не въ самомъ имени: конь *вороненькій*. Не согласованіе формальное передъ нами, если пѣсня говоритъ *дочечка Марусенька, сынонька Ивашечка* [2]), а выраженіе чувства,—въ зависимости отъ связи съ цѣлымъ, отъ потребности проявленія чувства.

VIII.

Въ высшей степени интересно изучить то значеніе уменьшительныхъ суффиксовъ, какое пріобрѣтаютъ они подъ перомъ художниковъ нашихъ. На образцахъ я желалъ бы показать, что уменьшительные суффиксы незамѣнимое средство въ случаяхъ, когда художникъ изображаетъ моментъ духовной жизни, извѣстныя настроенія, цѣлые характеры, и разумѣется, когда онъ пользуется ими сознательно, преднамѣренно. Не имѣю въ виду изслѣдовать вопросъ о постепенномъ ростѣ въ пользованіи уменьшительными суффиксами и о вліяніи въ этомъ отношеніи писателей предшествующихъ на послѣдующихъ; отдѣльными примѣрами изъ нѣкоторыхъ писателей хочу лишь пояснить значеніе уменьшительныхъ суффиксовъ въ указанномъ смыслѣ.

Дѣвушкинъ Достоевскаго пріобрѣтаетъ отчетливость и ясность характера человѣка забитаго, именно въ силу употребленія имъ словъ съ уменьшительными суффиксами, и можно сказать безъ колебанія, забитость характера Дѣвушкина не могла бы выступать передъ нами во всей своей трагичности. Съ перваго письма до послѣдняго—рѣчь несчастнаго горемыки, проникнутая горечью боли отъ сознанія своего безсилія и своего ничтожества, тѣмъ отличается отъ рѣчи ему подобныхъ, что преобладаютъ уменьшительныя слова; связанныя съ его добрымъ сердцемъ свойства выражаются опять-таки словами съ уменьшительными суффиксами, и вся ласка, вся любовь, которыхъ онъ выражать не умѣетъ при бѣдности запаса идей и словъ, опять-таки

[1]) *Потебня*, Зап. изъ Русс. Гр., III, 87.

[2]) Ib., 93.

выражаются уменьшительными суффиксами, замѣняющими всякое краснорѣчіе любви; и робкія попытки проявленія добродушной и болѣзненной ироніи выражаются у Дѣвушкина все тѣми же уменьшительными суффиксами. Отнимемъ ихъ—и блѣдная тѣнь, одна лишь тѣнь останется отъ образа, составляющаго полное выраженіе необычайной художественной правды.

Въ первыхъ строкахъ перваго письма онъ радуется уже тому, что Варвара Алексѣевна поняла, чего ему хотѣлось, „чего *сердчишку* моему хотѣлось“ [1]), т. е. сердцу, которое и желать ничего въ жизни не смѣетъ. Онъ разсказываетъ ей горемычную судьбу свою, разсказываетъ, что „особнякомъ себѣ, *помаленьку* живу, въ *тихомолочку* живу“ [2]); „это мой *уголочекъ*“; тамъ „стульевъ *парочка*“ [3]); ему „требуется, ну, *сапожишки* какія нибудь, *платьишко*“ [4]); и онъ еще какъ будто „*денежку* копитъ“; она не должна „обращать вниманія на то, что онъ такой *тихонькой*“ [5]); припоминая прошлое, онъ говоритъ объ ужасной *квартиркѣ* [6]), а позже—о томъ, какъ *домкомъ* [7]) обзаводился; разсказывая трагическую исторію свою о томъ, что нашлись вредившіе ему злые люди, онъ такъ объясняетъ злыя дѣянія ихъ: „потому что я *смиренькій*, что я *тихонькій*, отъ того что *добренькій*, и дальше, главнымъ образомъ, „потому что я *маленькій* человѣкъ, маточка“ [8]); еще позже сообщаетъ, что „скрываюсь, и въ должность вхожу когда, такъ *бочкомъ-бочкомъ*“ [9]) и т. д. Любовь свою этотъ человѣкъ выражаетъ своими уменьшительными такъ нѣжно, какъ не въ состояніи выразиться „сорокъ тысячъ братьевъ“. Когда „мечтанія приходятъ нѣжныя и все въ розовомъ цвѣтѣ ему является“, тогда канура, въ которой живетъ Варвара Алексѣевна, превращается его воображеніемъ въ *комнатку* [10]); онъ видитъ *уголочекъ занавѣски* [11]), который прицѣпленъ къ горшку *точнехонько* [12]), какъ онъ намекалъ.

---

[1]) Пол. Собр. Соч. Достоевскаго, т. II, 1882 г., стр. 7.
[2]) Ib., стр. 10.
[3]) Пол. Собр. Соч. Достоевскаго, II, 10.
[4]) Ib.
[5]) Ib.
[6]) Ib., 14.
[7]) Ib., 49.
[8]) Ib., 46.
[9]) Ib., 79.
[10]) Ib., 7.
[11]) Ib.
[12]) Ib.

Она, близкая его сердцу, является для него и *ангельчикомъ* [1]), и *дочечкой* [2]), и *голубкой* [3]), и *маточкой* (чаще всего), и *крошечкой* [4]), и *пташкой* [5]), и *дружочкомъ* [6]), и *ясочкой* [7]), и *жизненочкомъ*; въ его воображеніи такъ и засвѣтлѣла „ваша *улыбочка, ангельчикъ*, ваша *добренькая* привѣтливая *улыбочка*“—и такимъ образомъ на разстояніи 20 строчекъ разсѣяны 16 уменьшительныхъ, придающихъ всей рѣчи особый отпечатокъ, выступающій уже съ перваго знакомства съ Дѣвушкинымъ [8]). *Придумочкой* [9]) онъ своей гордится, чтобы видѣть ее чаще,—и онъ этой придумочкой одной безконечно счастливъ. Вспоминая свое горькое прошлое, онъ вспоминаетъ и про счастливую *дѣвочку* Машу, которой старушка сказки разсказываетъ; онъ самъ *трубочку* куритъ, а шалунья „подопретъ *рученькой* розовую *щечку, ротикъ* свой раскроетъ *хорошенькій* ....и жмется къ *старушкѣ*“ [10]). Заботливость его къ судьбѣ его дорогой Вареньки безконечна, и, само собой, онъ не иначе предостерегаетъ ее отъ опасности какой либо, какъ словами „вѣдь вы *слабенькія, голубчикъ* мой, какъ *соломенка* слабенькая... чуть *вѣтерочекъ*, а ужъ вы хвораете....“ „...Ходили бы вы не въ... ветхомъ *платьицѣ*,.... были бы вы не *худенькія*, не *чахленькія*, какъ теперь, а какъ *фигурка* сахарная, *свѣженькая... птичка* моя *хорошенькая*“... [11]). Чувство сожалѣнія его къ чужимъ тоже свойственно его безгранично самоотверженной природѣ, и онъ съ болью сердца сообщаетъ о Горшковѣ, что онъ такой *сѣденькій, маленькій*,... робкій, боится всѣхъ, ходитъ *стороночкой* и съ ужасомъ думаетъ о погодѣ... „ужъ эти мнѣ *дождички со снѣжкомъ*“ [12]). Еще болѣе горя подымается у него въ груди, когда вспомнитъ одну недавнюю сцену; ему „случилось бѣдность свою испытать вдвойнѣ... Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю *малютку* мальчика, такъ себѣ лѣтъ десять; былъ бы *хорошенькій*, да на видъ... *чахленькой*,

[1]) Ib., 74.
[2]) Ib.
[3]) Ib., 78.
[4]) Ib., 77.
[5]) Ib., 19.
[6]) Ib., 92.
[7]) Ib., 74.
[8]) Ib., 7.
[9]) Ib., 8.
[10]) Ib., 14.
[11]) Ib., 92.
[12]) Ib., 18.

въ одной *рубашенкѣ*.... заглядѣлся, какъ у нѣмца куклы танцуютъ.... дрожитъ, да *кончикъ* рукава грызетъ.... въ рукахъ *бумажечка*... господинъ бросилъ *маленькую монетку*, монетка упала въ ящикъ съ *огородочкой*..... мальчикъ подумалъ, что я деньги далъ... подбѣжалъ ко мнѣ, *рученки* дрожатъ у него, *голосенокъ* дрожитъ.... Мальчикъ *бѣдненькій*" и т. д. [1]).

Какъ удивительно помогаютъ уменьшительныя слова изобразить человѣка, не придающаго своей помощи бѣдному, своему сочувствію людямъ ни малѣйшаго значенія! Онъ отдаетъ Варварѣ Алексѣевнѣ свое послѣднее, она дѣлаетъ ему упреки въ томъ, что онъ отказывается отъ самаго насущнаго, а онъ ей: „я тамъ купилъ *парочку* горшковъ съ *бальзаминчикомъ* и *гараньку*—не дорого" [2]); или: „я вамъ при семъ посылаю, Варинька, *фунтикъ* конфетъ... и не будьте въ претензіи" [3]), а у самого ѣсть нечего; или: „приказали вы, душенька.... что вамъ *шелчку*... нужно... куплю, маточка, куплю и *шелчку* куплю" [4]); или: *гардеробцу* вамъ накупилъ.... и т. д. [5]). А вѣдь было время, когда онъ любилъ иною любовью, когда онъ врѣзался въ *актрисочку* [6]), которая потомъ превращается въ *актриску* [7]), потому что онъ *молоденокъ* былъ [8]), — а затѣмъ снова переходъ къ окружающей дѣйствительности, когда онъ *медвѣженкомъ* сидѣлъ въ присутствіи [9]) и ему *стыдненько* было... *пуговки* на *ниточкахъ* мотаются [10]) и т. д.

Я на этомъ прекращаю цитаты; читатель видитъ уже изъ приведеннаго, что значатъ уменьшительные суффиксы въ рукахъ художника, какія краски онъ ими налагаетъ, какъ ярко и живо выступаетъ образъ, стоящій одиноко по красотѣ своей.

Я могу теперь не долго останавливаться на томъ, какой эффектъ производитъ, напримѣръ, рѣчь судебнаго слѣдователя, когда въ его уста Достоевскій влагаетъ слова съ уменьшительными суффиксами.

---

[1]) Ib., 17.
[2]) Ib., 10.
[3]) Ib., 11.
[4]) Ib., 49.
[5]) Ib., 59.
[6]) Ib., стр. 62.
[7]) Ib.
[8]) Ib., 63.
[9]) Ib., 72.
[10]) Ib.

Слѣдя за этою рѣчью, мы видимъ, какъ тонъ ея язвительно-насмѣшливъ въ продолженіе всего времени вплоть до той минуты, когда слѣдователь, тронутый судьбою Раскольникова, старается убѣдить послѣдняго сознаться въ преступленіи и тѣмъ облегчить себѣ предстоящія страданія мучительныя.

При первой встрѣчѣ Порфирій Петровичъ..... „вдругъ пропускалъ какія-то загадочныя *словечки*... бѣгая ....передвигая свои жирныя *ножки* [1]) и выдѣлывая жесты, подходившіе къ его словамъ... вы вотъ изволили упомянуть, на счетъ, знаете, *допросика-то*....; ну вотъ вамъ такъ сказать и *примѣрчикъ* на будущее, ... не подумайте, чтобы учить осмѣлился, .. а такъ, въ видѣ факта *примѣрчикъ* осмѣлюсь представить [2])“... „пусть его погуляетъ (на свободѣ), а... я знаю, онъ моя *жертвочка* [3])... онъ у меня *психологически* не убѣжитъ, хе-хе! каково *выраженьице-то* [4])... мало того, самъ мнѣ какую нибудь математическую *штучку* [5]) ... приготовитъ; ... думаете, что я вамъ *шуточки* [6]) невинныя подвожу, ... смѣетесь, что я все изъ военной исторіи *примѣрчики* подбираю...; гдѣ ужъ какому нибудь *бѣдненькому* слѣдователю угадать... да натура-то *бѣдненькаго* слѣдователя выручаетъ [7]) .....; *батюшка*, потише... *водицы* бы вамъ, *голубчикъ*... вѣдь *припадочекъ* у васъ былъ [8])... („закудахталъ Порфирій Петровичъ съ дружественнымъ участіемъ“) ..... а *сюрпризикъ* не хотите посмотрѣть („захихикалъ Порфирій...“ [9]) ... „*сюрпризикъ-съ* вотъ тутъ у меня за дверью сидитъ хе, хе...“ [10]) „... вы батюшка не ожидали. Ишь *ручка-то* какъ дрожитъ—хе-хе...“ [11]); „... говоритъ, а у самого *зубки* во-рту одинъ о другой колотятся, хе-хе, ироническій вы человѣкъ“... [12]); „... одно *словцо*, Родіонъ Романовичъ... мы еще увидимся, такъ [13])“. Вторая встрѣча начинается по прежнему—язвительно:

---

[1]) Полн. собр. соч. *Достоевскаго* 1882, т. VI, стр. 315.
[2]) Ib., 316,
[3]) Ib., 317.
[4]) Ib., 318.
[5]) Ib.
[6]) Ib.
[7]) Ib., 319.
[8]) Ib., 321.
[9]) Ib., 326.
[10]) Ib.
[11]) Ib., 329.
[12]) Ib., 330.
[13]) Ib.

„... прохожу мимо, думаю *визитикъ* ему отдать“... [1]) и довольно продолжительно рѣчь ведется въ томъ же ироническомъ духѣ и заканчивается словомъ: *губка-то*, какъ и тогда, вздрагиваетъ, пробормоталъ какъ бы даже съ участіемъ Порфирій Петровичъ [2]), и вслѣдъ за тѣмъ, до конца, когда Порфирій пошелъ „на открытую“, рѣчь принимаетъ характеръ строго-сдержанный, участливый, убѣждающій. Уменьшительныхъ ни разу. Лишь конецъ самый напоминаетъ язвительную манеру слѣдователя: „... есть *просьбица* ... *щекотливенькая*... если бы пришла охота... *ручки* этакъ на себя поднять... то оставьте *записочку*... двѣ *строчки*, двѣ только *строчечки*...“ [3]). Множество частностей и повтореній не цитирую. Не вхожу и въ подробности другихъ произведеній Достоевскаго; но чтобы освѣтить другіе способы пользованія имъ уменьшительными суффиксами, одинъ примѣръ еще; онъ обнаруживаетъ новое значеніе. Ѳедоръ Карамазовъ говоритъ: „пріѣзжаю лѣтъ семь назадъ въ одинъ городишко; были тамъ дѣлишки, а я кой съ какими купчишками завязалъ было компаньишку...“ и т. д. И городъ, и дѣла, и купцы, и компанья имѣли для Ѳедора Карамазова лично громадное значеніе, но ему необходимо было умалить значеніе ихъ, представиться мало заинтересованнымъ всѣмъ этимъ. Точно такъ и Чичиковъ говоритъ на вопросъ Ноздрева, куда тотъ ѣдетъ: „а я къ *человѣчку* къ одному“, очевидно, съ цѣлью умалить значеніе поѣздки; мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, а до того времени: „хоть бы какія нибудь *душонки*“, хотя и на „человѣчка“ и на „душенки“ Чичиковъ смотритъ самъ совершенно иначе, чѣмъ какъ бы хотѣлось ему представить. Нѣкоторый оттѣнокъ въ употребленіи уменьшительной формы для выраженія меньшаго, противъ дѣйствительнаго, объема понятія представляютъ случаи, въ родѣ Гоголевскаго: „*страстишка къ картишкамъ*“; этимъ какъ будто уменьшается сила самого порока; здѣсь нѣтъ пренебреженія ни къ страсти, ни къ картамъ. Опять иной оттѣнокъ слышится въ случаяхъ, какъ напримѣръ: „погуляю хоть неділеньку“ [4]),—то же, что въ обыденной рѣчи: „денекъ, денечекъ бы хоть“; „проведу съ ней вечерокъ одинъ“, „подожди одну минуточку“. За исключеніемъ послѣдняго, гдѣ слышится скорѣе малость времени (неопредѣленнаго), остальные случаи выра-

[1]) Ib., 420.
[2]) Ib., 427.
[3]) Ib., 432.
[4]) Труды. *Чубинскій*, 74.

жаютъ желаніе представить время меньшимъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ—какъ вообще отношенія человѣка къ внѣшнимъ предметамъ часто обусловлены тѣмъ, какъ эти предметы представляются въ языкѣ. Тому, у котораго просятъ: „отпусти на одну *недѣльку*“, время покажется меньшимъ, чѣмъ выраженное словомъ „недѣля“,—по крайней мѣрѣ въ моментъ рѣчи.

Также точно „*гривенничекъ* всего стоитъ“, „*двугривенничекъ*“, „*рублик*ъ“, производитъ впечатлѣніе меньшей стоимости монеты, чѣмъ обыкновенное употребленіе слова „рубль“, „гривенникъ“.

Грибоѣдовъ пользуется уменьшительными суффиксами съ иными цѣлями: безъ нихъ онъ не былъ бы въ состояніи представить отношенія Фамусова къ Скалозубу, его заискиваніе, льстивость, угодливость, уничиженіе,—всего, при помощи чего Ф. думаетъ добиться цѣли: освободиться отъ ужасной „комиссіи быть взрослой дочери отцомъ“, но остаться въ глазахъ общества достойнымъ отцомъ,—и никакими средствами не выразить лучше душевныя движенія послѣдняго: „*отдушничокъ* откроемъ поскорѣе“, такъ встрѣчаетъ Фамусовъ желаннаго гостя, предупредивъ Чацкаго просьбою „пожалуйста, при немъ веди себя *скромненько*“, какъ будто опасаясь дѣлать заявленіе болѣе категорично: „скромно“,—и это видно изъ словъ:

„Эхъ, Александръ Андреевичъ братъ!“....

т.-е. онъ боится докончить мысль, которая была бы Чацкому не по вкусу; а затѣмъ:

„Ко мнѣ онъ жалуетъ *частенько*“,

фраза показывающая тщеславное чувство довольства, между прочимъ и потому, что у него

„*Равнехонько* для всѣхъ готовъ обѣдъ“.

Нѣсколько далѣе онъ высказываетъ свои обязанности по отношенію къ бѣднымъ, родственникамъ, маленькимъ людямъ, которымъ необходимо оказать спеціальное вниманіе, если оно притомъ касается „не важныхъ статей“ (важныхъ для Фамусова):

„Какъ станешь представлять къ *крестишку* пль къ *мѣстечку*,
Ну какъ не порадѣть родному *человѣчку*?“

Фамусовъ сочувственно относится къ знакомому, который

„имѣетъ, кажется, въ *петличкѣ орденокъ*“;

онъ милъ ему; а въ другихъ случаяхъ нѣкоторое богатство ставится въ большую заслугу, нужды нѣтъ, что онъ всего лишь чуть чуть лучше плохого:

„Будь *плоховенькій*, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ“...

Еще ближе ему тѣ, про которыхъ онъ отзывается особенно лестно, гордясь ими:

„Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, *сынковъ*, *внучатъ*“...

Не менѣе гордится онъ тѣми, о которыхъ говоритъ стихъ:

„А наши *старички*, какъ ихъ возьметъ задоръ“...

гдѣ съ ласкою соединяется и оттѣнокъ добродушной иронiи, отношенiя свысока.

„А *дочекъ* кто видалъ—всякъ голову повѣсь...
Умѣютъ же себя принарядить *тафтицей бархатцемъ*“.

Интересно сопоставить эти всѣ мѣста, указывающiя на торжество тщеславiя и сознанiе силы, съ мѣстами при развязкѣ дѣйствiя, когда иныя чувства подсказываютъ иныя рѣчи.

Обращаясь къ Молчалину, мы встрѣчаемся съ попрошайническимъ самоуничиженiемъ передъ лицами, болѣе важными, чѣмъ онъ, и съ покровительственною снисходительностью передъ той, у которой онъ хочетъ купить любовь; уменьшительные суффиксы въ устахъ его художественно воспроизводятъ эту мелкоту души; ему нужно заплатить за ласку и задобрить, и вотъ у него являются для Лизы *вещицы*, снаружи *зеркальцо* и *зеркальцо* внутри, *подушечка*, *иголъничекъ* и *ноженьки*, *жемчуженьки*, *сткляночки*. Слѣдуетъ вспомнить великодушiе Дѣвушкина.

Чацкiй употребляетъ уменьшительныя имена съ иными цѣлями; язвить ими онъ умѣетъ хорошо: для него Молчалинъ „услужливъ, *скромненькій*“; „бывало *пьесенокъ* гдѣ *новенькихъ* тетрадь увидитъ приставетъ, пожалуйте списать“. Объ одномъ господинѣ онъ говоритъ: „тотъ, *черномазенькій*, на ножкахъ журавлиныхъ...“

У Толстого, Тургенева, Некрасова и Островскаго найдется не мало фактовъ, подтверждающихъ значенiе уменьшительныхъ суффиксовъ, мимо которыхъ мы проходимъ, какъ будто не замѣчая

вовсе ихъ роли въ русской рѣчи. Не останавливаясь на нихъ, я приведу лишь еще одинъ образецъ способа пользованія уменьшительными суффиксами. До мозга костей пропитанный элементами народной рѣчи, Кольцовъ все-же пользуется ими съ цѣлями чисто художественными, пользуется сознательно и преднамѣренно, и, въ свою очередь, достигаетъ изумительныхъ результатовъ. У Кольцова въ общей сложности ихъ немного и во всѣхъ случаяхъ въ такихъ сочетаніяхъ въ предложеніи, въ какихъ встрѣчаются они въ народной поэзіи; но такъ какъ поэтъ всего менѣе субъективенъ, то онъ пускаетъ въ оборотъ уменьшительныя слова преимущественно при изображеніи тѣхъ моментовъ жизни, которые характерны сами по себѣ и существуютъ сами по себѣ, какъ необходимость: положеніе, состояніе, моменты отношенія людей между собою и т. п. Поэтому, мы замѣчаемъ у Кольцова, рядомъ съ крайней сжатостью и силою слова, сплошное употребленіе уменьшенія лишь именъ существительныхъ, замѣняющихъ собою цѣлое предложеніе. Весьма рѣдко, и то въ болѣе слабыхъ произведеніяхъ, уменьшается имя прилагательное, такъ какъ въ немъ субъективная сторона выступаетъ ярче. Сказанное оправдывается и по отношенію къ такимъ мѣстамъ, гдѣ субъективность, казалось бы, составляетъ условіе красоты, напр.:

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую;

а между тѣмъ уменьшительныя необходимы, такъ какъ данъ поэтическій образъ сравненія зерна съ живымъ существомъ, вызвавшій краски, которыми окрашиваются и въ народной поэзіи дѣтскія (колыбельныя) пѣсни.

„Не держи, пусти, дай *волюшку*“,

говоритъ поэтъ, когда затрагивается та сторона жизни, которую говорящій сознаетъ въ себѣ какъ силу въ страданіи и наслажденіи, когда онъ чувствуетъ при этомъ какое-то размашистое упоеніе отъ этой силы-воли. Она ему близка, дорога, поэтъ и самъ носилъ въ себѣ эту силу, и не иначе какъ „волюшка“ могла выразить чувство, волнующее его (см. выше). Когда Кольцовъ ставитъ себя въ положеніе человѣка, для котораго слезы—утѣшеніе, то и въ такомъ случаѣ отмѣченное слово, употребленное въ другомъ значеніи, всего сильнѣе могло выразить настроеніе:

Еще съ тобой
Увидимся
И въ *волюшку*
Наплачемся....

Это его Trost in Trähnen. Когда поэтъ рисуетъ слабаго, сознающаго безсиліе, онъ и ему влагаетъ въ уста „волюшку",—потому что она желанная:

.... Погубить себя не хочется,
Разойтиться—нѣту *волюшки*...

Какой бы моментъ ни взяли въ произведеніяхъ—расчетъ художественный ясенъ: представить наиболѣе яркій образъ воспроизводимаго момента—по возможности объективно:

Гости пьютъ, и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ,
Про хлѣба, про покосъ
Про *старинушку*..;

никоимъ образомъ не изобразить сильнѣе и ярче настроеніе отъ глубокаго интереса къ воспоминаніямъ о прошломъ, какъ словомъ „старинушка"; но оно „старинушка" прежде всего для собесѣдниковъ; а такъ какъ поэтъ живетъ жизнью ихъ же, то она становится „старинушкой" и для него.

Въ другой моментъ художникъ изображаетъ уютность отъ совмѣстнаго веселія, и онъ говоритъ объ этомъ: „*бражку ковшикомъ*" пьютъ. Когда говорится о заботѣ крестьянской, послѣдняя называется „*думушкой*", потому что слишкомъ близка ему; когда изображается, что слегка снѣгъ идетъ, тогда „путь *снѣжкомъ* порошитъ"; когда крестьянинъ ѣдетъ по хорошей дорогѣ, то это происходитъ „по *дорожкѣ* большой" и т. д., и едва-ли найдется возможность не признать вывода, что Кольцовъ уменьшительными суффиксами выражаетъ не свою, лично ему принадлежащую оцѣнку явленію, предмету.

Другое мы видимъ у Никитина. У него преобладаетъ настроеніе—и это видно изъ способа употребленія имъ уменьшительныхъ суффиксовъ; лиризмъ—крайне субъективный, по временамъ сентиментальный, дѣланный, и въ уменьшительныхъ прилагательныхъ это обнаруживается часто. То же можно сказать о Некрасовѣ, въ поэзіи котораго много случаевъ лишняго употребленія уменьшительныхъ: оно доходитъ до злоупотребленія и производитъ нехудожественное впечатлѣніе. Подробности излишни.

IX.

Общій выводъ изъ всего приведеннаго въ этомъ изслѣдованіи можетъ быть выраженъ такимъ образомъ:

По отношенію къ примѣненію уменьшительныхъ суффиксовъ замѣчаются два теченія, другъ другу противоположныя. Одно — въ литературѣ, другое въ народной поэзіи. Тогда какъ въ древнемъ книжномъ языкѣ едва замѣтны случаи употребленія ихъ, и то въ одномъ лишь значеніи, уменьшающемъ представленіе о предметѣ объективно, а субъективно—преимущественно представленіе о личности, литературный языкъ съ началомъ XIX вѣка обнаруживаетъ тенденцію широкаго примѣненія ихъ для художественныхъ цѣлей, для выраженія разнообразныхъ оттѣнковъ субъективнаго отношенія говорящаго (и слушающаго) къ предметамъ, явленіямъ, лицамъ.

Въ языкѣ народной поэзіи, наоборотъ, замѣчается сильное вырожденіе уменьшительныхъ суффиксовъ. Будучи на первыхъ порахъ (трудно опредѣлить время) полны значенія, и значенія разнообразнаго, они пріобрѣтаютъ постепенно характеръ какой-то традиціонности, лишняго привѣска, формы, не отличающейся отъ другихъ, которыя уже утеряли основное или какое бы ни было значеніе для говорящаго (напримѣръ, падежныя окончанія именъ прилагательныхъ, сознававшіяся еще въ историческое время; или суффиксы, напримѣръ — *ло*,-*тель*,-*арь*, съ ясно выраженнымъ значеніемъ въ извѣстную пору ихъ жизни).

Причиною указанныхъ двухъ явленій (теченій) слѣдуетъ признать, съ одной стороны, стремленіе литературнаго языка къ сближенію съ языкомъ народнымъ, исканіе въ немъ новыхъ источниковъ творчества,—съ другой стороны, постепенное ослабленіе непосредственности и жизненности въ народномъ творчествѣ массовомъ.

Однако не по всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ уменьшительные суффиксы распредѣляются равномѣрно. Всего больше ихъ тамъ, гдѣ всего менѣе сознается ихъ значеніе и содержаніе, гдѣ всего болѣе однообразно ихъ примѣненіе единственно въ значеніи уменьшенія—въ Бѣлоруссіи. Какъ будто судьба злосчастной страны вызвала этотъ странный языкъ униженія, уничиженія. Какое-то полное обезличеніе говоритъ сквозь вѣчно-умильныя рѣчи, вѣчно-уменьшительныя слова. Всего болѣе въ бѣлорусской поэзіи попадаются, какъ мы видѣли, нелѣпѣйшія сочетанія словъ съ уменьшительными суффиксами, и если можно

говорить о нелогичности въ созиданіи словъ, то всего болѣе нелогичностей именно здѣсь.

Всѣхъ менѣе подпала безсознательности и формализму въ употребленіи уменьшительнаго суффикса малорусская поэзія. Будучи по характеру своему всего болѣе лирична, даже въ эпосѣ своемъ, она сохранила необычайность колорита, мягкость тона, ласковость рѣчи, и кажущіяся иногда несоотвѣтствія между содержаніемъ и формой (относительно уменьшительнаго суффикса) могутъ быть въ большинствѣ случаевъ сводимы къ господствующему характеру. Но собственно говоря нелѣпостей, въ смыслѣ сочетанія словъ съ уменьшительнымъ суффиксомъ, какія выступаютъ въ бѣлорусской поэзіи, найти трудно.

Между бѣлорусскою и малорусскою стоитъ великорусская народная поэзія. Нѣкоторые отдѣлы поэзіи рѣшительно пострадали отъ вторженія уменьшительныхъ суффиксовъ, и, какъ мы видѣли, „причитанія“ больше всѣхъ. Одинаковость ихъ въ этомъ отношеніи съ большинствомъ произведеній бѣлорусской поэзіи психологически объяснима: полное обезличеніе, полная нивеллировка чувства, совершенное однообразіе въ выраженіи самоуничиженія слышится какъ въ цѣломъ народѣ, угнетаемомъ условіями историческаго и соціальнаго характера, такъ и въ выраженіи отдѣльныхъ группъ лицъ, угнетаемыхъ условіями индивидуальныхъ страданій.

Не думаю, чтобы выводъ этотъ оказался рискованнымъ, если принять въ соображеніе, что и литовскій и латышскій языки, и румынскій, а изъ неиндоевропейскихъ языковъ—зырянскій, остяцкій, мордвинскій, всего больше имѣютъ въ поэзіи своей уменьшительныхъ суффиксовъ и связанныхъ съ ними словъ, а народности, говорящія на этихъ языкахъ, всего менѣе обладаютъ высокимъ представленіемъ о сознаніи человѣческаго и національнаго достоинства, не успѣвшемъ развиться подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій.

І. Мандельштамъ.